

Дин Кунц практически монополизировал жанр.
Он великолепно умеет завораживать читателя и держать его в напряжении.

Richmond Times-Dispatch

ДИН КУНЦ

ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЫЖИВШИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АЗБУКА»

The Big Book. Дин Кунц

Дин Кунц

Единственный выживший

«Азбука-Аттикус»

1997

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Кунц Д. Р.

Единственный выживший / Д. Р. Кунц — «Азбука-Аттикус»,
1997 — (The Big Book. Дин Кунц)

ISBN 978-5-389-16934-0

Криминальный репортер Джо Карпенгер потерял жену и двух дочерей в авиакатастрофе. Тяжело переживая утрату, он не может ни работать, ни думать, ни делать что-то еще – жизнь его лишилась всякого смысла. Однажды Джо встречает Розу, женщину, утверждающую, что она единственная выжившая в той катастрофе. Но прежде чем он успевает задать вопросы, женщина ускользает, и теперь Джо изводят мучительные мысли: если выжила Роза, не могла ли спастись и его семья? Может, власти скрывают правду о том, что на самом деле произошло в ту ночь? Поиски этой правды даются ему тяжелее, чем любое из предыдущих расследований, и вынуждают сомневаться во всем, что ему известно о жизни и смерти...

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-16934-0

© Кунц Д. Р., 1997
© Азбука-Аттикус, 1997

Содержание

Слова признательности	6
Часть I. Потеряны навсегда...	7
Часть II. Поисковый стереотип	40
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Дин Кунц

Единственный выживший

Dean Koontz

Sole Survivor

© 1997 by Dean R. Koontz

© В. А. Гришечкин, перевод, 1997

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящается памяти Рэя Мока – моего дяди, который уже давно переселился в лучший из миров. В детстве, когда я испытывал беспокойство и отчаяние, его юмор, порядочность и доброта помогли мне узнать все о том, каким должен быть человек

Слова признательности

Настоящей Барбаре Кристмэн крупно повезло – ее имя было использовано мною в этом романе. Учитывая то обстоятельство, что она была одним из сотни книготорговцев, участвовавших в нашей лотерее, я был весьма удивлен тем, насколько удачно ее имя¹ вошло в рассказанную мною историю. Должно быть, она надеялась, что я изображу ее кровожадным психопатом-убийцей, однако на деле ей придется довольствоваться ролью персонажа гораздо более скромного. Прости, Барбара...

Глубок и темен свод небесный,
То звезд и льда дворец чудесный,
Но вид его рождает страх:
Что, если в тех, иных мирах
Нет ничего для нас?
И крошечной Земли тревожное пространство
Не дом родной – темница, где стеной
Послужат пустота и мертвый звездный свет?..
Ну что ж... тогда, конечно, нет
Причин, чтоб воевать с судьбой,
Чтоб до конца стоять
В борьбе с самим собой,
И смысла нет ни плакать, ни смеяться,
Ни спать, ни утром просыпаться,
И обещаний звук пустой не растревожит мой покой.
Но по ночам мой взгляд средь звезд
Ответы ищет на вопрос
И хочет тайну разгадать:
Ты, Боже, там? Иль нам опять
Одним брести по Вечности дороге...

Книга печалей

¹ Кристмэн в переводе с английского означает «человек Божий», а святая Барбара считалась покровительницей пожарных, артиллеристов и всех, кто имеет дело с огнем. (Здесь и далее примеч. перев.)

Часть I. Потеряны навсегда...

1

Джо Карпентер проснулся в субботу в начале третьего ночи. Прижимая к груди мокрую от пота подушку, он хрипло выкрикивал в темноту имя своей погибшей жены. Боль и жгучая тоска, звучавшие в его голосе, ужаснули его самого, и Джо мгновенно очнулся от своего беспокойного сна. И все же сновидения отпускали его неохотно; они спадали с него слой за слоем, покров за покровом, как во время землетрясения сыплется со стропил и потолочных перекрытий скопившаяся за десятилетия пыль.

Джо уже понял, что сжимает в объятиях не свою Мишель, а всего-навсего подушку, но не спешил разжать руки. В последний миг перед пробуждением его ноздри уловили аромат ее волос, и теперь он боялся, что любое движение, любой жест способны развеять наваждение и отнять у него это последнее, самое дорогое, оставив его наедине с кислым запахом пота и холодного сигаретного дыма.

Но в мире не было таких сил, которые могли бы удержать воспоминания и помешать им выскользнуть из его судорожно стиснутых пальцев. Запах волос Мишель уносился прочь, в пустоту, словно воздушный шарик, который не поймать, сколько ни прыгай и ни размахивай руками.

Чувствуя себя ограбленным до нитки, Джо поднялся и подошел к окну. Его постель, состоявшая из брошенного на пол матраса, подушки и одеяла, была единственным предметом обстановки, поэтому он мог не бояться налететь на мебель даже в густых предрассветных сумерках.

Однокомнатная квартирка в конце Лоурел-Каньон, которую он снимал, находилась на втором этаже и состояла из одной большой спальни с двумя окнами, кухонного закутка, чулана и тесной туалетной комнатушки с ржавой трубой стоячего душа в углу. Первый этаж занимал захламленный гараж на две машины. Джо переехал сюда после того, как продал дом в Студио-Сити, но он даже не потрудился перевезти сюда что-то из обстановки. Мертвецам мебель ни к чему, а он приехал сюда умирать.

И вот теперь на протяжении десяти месяцев Джо аккуратно вносил арендную плату в ожидании утра, когда он не сумеет проснуться.

Из окна открывался вид на круто уходящую вверх стену каньона, густо заросшую вечно-зеленым чапаралем и эвкалиптами. Сквозь кроны чахлах городских деревьев на западе горел серебром вечный символ обманутых надежд – диск полной луны, склонявшейся к горизонту.

Глядя прямо перед собой, Джо удивился, что он все еще не умер. Но и живым назвать его тоже было нельзя. Он застрял где-то посередине, на половине пути из одного мира в другой, и теперь, раз о возвращении не могло быть и речи, он хотел пройти этот путь до конца.

Джо сходил на кухню, достал из холодильника бутылку ледяного пива, вернулся в комнату и сел на матрас, привалившись спиной к стене.

Пиво в половине третьего ночи! Типично растительное существование, без целей, без надежд...

Мимолетно он пожалел о том, что не может напиться до смерти. Если бы он был уверен, что сумеет уйти из жизни без боли, притупленной алкогольным опьянением, тогда его, наверное, не тревожил бы вопрос о том, сколько времени займет этот переход. Но гораздо больше он боялся того, что затуманивший мозг алкоголь вытравит из него воспоминания, а память все

еще была для него священной. Именно по этой причине даже в худшие дни Джо не позволял себе ничего, кроме нескольких бутылок пива или стаканов вина.

Если не считать оконных стекол, на которых играли и переливались просеянные сквозь ветви и листву лунные лучи, в темной спальне не было никаких других источников света, лишь слабо мерцали подсвеченные клавиши телефонного аппарата.

Повернувшись к нему, Джо подумал о том, что в этот глухой предрассветный час он может поговорить только с одним человеком в мире – поговорить откровенно о своем бездонном, беспросветном отчаянии, которое засасывало его все глубже и никак не могло поглотить. Впрочем, и в дневные часы он не мог обратиться ни к кому другому. Джо было только тридцать семь, но его собственные мать и отец умерли уже давно, а ни братьев, ни сестер у него не было. Друзья пытались как-то утешить его, но Джо было слишком больно слушать или говорить о случившемся, и он постарался держать их на дистанции; при этом он повел себя столь агрессивно и грубо, что многие, оскорбленные в лучших чувствах, отвернулись от него вовсе.

Он протянул руку, перенес телефонный аппарат к себе на колени и набрал номер Бет Маккей – матери Мишель.

Бет, жившая в Виргинии, на расстоянии больше трех тысяч миль от Западного побережья, взяла трубку после первого гудка.

– Джо?

– Я тебя не разбудил?

– Ты же знаешь, Джо, милый, я рано ложусь и встаю перед рассветом.

– А Генри? – спросил Джо, имея в виду отца Мишель.

– О, этот старый сурок способен проспять Судный день, – ответила Бет с нежностью и теплотой в голосе.

Бет Маккей была доброй и ласковой женщиной; она изо всех сил старалась утешить Джо, несмотря на то что ее собственное горе – горе матери – едва ли могло быть менее глубоким. Во всяком случае, во время похорон и Джо, и Генри, сломленные обрушившимся на них горем, опирались именно на нее, и Бет стояла непоколебимо, как скала, щедро делясь с ними своей незаурядной душевной силой. Лишь через несколько часов после того, как могилы были засыпаны свежей землей, Джо застал ее на заднем дворе своего дома в Студио-Сити. Бет, сгорбившись, как старуха, сидела в пижаме в кресле-качалке и рыдала в подушку, взятую ею из комнаты для гостей, чтобы зять или муж не услышали и не страдали из-за нее еще больше. Джо сел рядом, но Бет не хотела, чтобы он держал ее за руку или обнимал за плечи; от его прикосновения она вздрогнула, и Джо опустил руку. С нее словно содрали кожу, оставив одни обнаженные нервы, так что самый тихий сочувственный шепот был для нее словно крик, а прикосновение обжигало, как раскаленное клеймо. Джо не хотелось оставлять Бет одну в таком состоянии, поэтому он взял сетчатый сачок на длинной ручке и стал ходить по бортику бассейна, механически и бездумно вылавливая из воды попавших туда жучков, листья и прочий мусор. Было два часа ночи, и в темноте он почти ничего не видел – он просто ходил и ходил по кругу, с мрачной целеустремленностью разрегулировавшегося автомата окуная сетку в воду, вытряхивая, снова окуная, пока на поверхности черной воды не осталось ничего, кроме отражений равнодушных, холодных звезд, а Бет все плакала и плакала в подушку. В конце концов, выплакав все слезы, она встала с качалки, подошла к нему и силой вырвала сачок из его одеревеневших пальцев. Потом она отвела его наверх, раздела и уложила в постель, словно ребенка, и впервые за прошедшие дни Джо заснул крепко и глубоко.

Теперь, думая о разделяющих их тысячах миль, Джо поставил на пол недопитую бутылку пива.

– У вас уже рассвело, Бет? – спросил он.

– Только что.

– И ты, наверное, сидишь на кухне и любишь небо из большого окна, да? Скажи, небо красивое?

– На западе еще темно, но наверху небо стало уже индигово-синим, а на востоке оно кораллово-красное, сапфирово-голубое и персиково-розовое, как китайский шелк.

Да, Бет была сильной женщиной, но Джо звонил ей не за утешениями; просто ему нравилось слушать, как она говорит. Тембр ее негромкого голоса, смягченный едва заметным виргинским акцентом, напоминал ему Мишель.

– Ты взяла трубку и сразу назвала меня по имени, – сказал он.

– А кто, кроме тебя, мог мне позвонить?

– Ты хочешь сказать – в такую рань?

– Нам редко кто звонит так рано, но сегодня утром... это мог быть только ты.

Да, подумал Джо, катастрофа, навсегда изменившая их жизнь, произошла ровно год назад, день в день. Сегодня была первая годовщина их трагической потери.

– Ты все худеешь, Джо? – спросила Бет. – Мне бы так хотелось, чтобы ты начал есть лучше...

– Нет, я больше не худею, – солгал он.

За прошедший год в нем развилось такое удивительное безразличие к сигналам, которые подавал пустой желудок, что в последние три месяца Джо начал худеть. К настоящему моменту он потерял уже фунтов двадцать пять, если не больше.

– День, наверное, будет теплый, – заметил он.

– Душный, влажный и жаркий, – поправила его Бет. – Правда, на востоке маячат какие-то облака, но на дождь надежды мало. Зато они очень красиво выглядят, Джонни... – Она часто звала его Джонни, еще когда Мишель была жива, а та со смехом ее поправляла: «Не Джонни, мама, Джоуи!» – Они розовые, с золотой каймой. А вот и солнце встало над горизонтом.

– Неужели прошел целый год, Бет? Даже не верится.

– Ты прав, Джонни. Правда, иногда мне кажется, что прошло несколько лет.

– Я так скучаю, Бет, – неожиданно сказал Джо. – Пусто без них. Пусто и одиноко.

– О Джонни... Мы с Генри любим тебя. Ты для нас как сын. Нет, теперь ты стал нашим сыном.

– Я знаю и тоже вас очень люблю, но этого недостаточно, Бет. – Джо перевел дух. – Этот год... для меня это был настоящий ад. Иногда мне кажется, что, если и следующий год будет таким же, я долго не протяну.

– Время лечит... иногда.

– Только не в моем случае. Я боюсь. Одиночество – вот что дается мне труднее всего.

– Ты не хочешь вернуться на работу, Джо?

Перед катастрофой Джо был ведущим репортером отдела уголовной хроники в газете «Лос-Анджелес пост», но теперь с карьерой журналиста было покончено.

– Я не смогу больше смотреть на мертвые тела, Бет.

Это было правдой. Он больше не мог смотреть на трупы убитых в перестрелке бандитов и случайных прохожих, на тела, изуродованные в автомобильной аварии, и – вне зависимости от пола и возраста – не видеть перед собой истерзанные останки Мишель, Нины и Крисси.

– Ты мог бы писать о чем-нибудь другом. Ты был хорошим журналистом, Джонни. Попробуй рассказать о чем-нибудь, что было бы интересно всем, о каких-нибудь общечеловеческих ценностях. Ты должен работать, должен делать что-то... может быть, тогда ты почувствуешь, что снова нужен кому-то...

Вместо ответа Джо сказал:

– Я не могу ни жить, ни работать без них. Единственное, чего мне хочется, – это быть вместе с Мишель. С нею и с девочками...

– Когда-нибудь ты встретишься с ними, – ответила Бет, которая, несмотря ни на что, осталась глубоко верующим человеком.

– Я хочу быть с ними сейчас... – Его голос надломился, и Джо замолчал, стараясь взять себя в руки. – На этой земле у меня не осталось ничего дорогого, но у меня не хватает силы духа, чтобы самому сделать следующий шаг.

– Не надо говорить таких вещей, Джонни.

Джо действительно не мог покончить с собой, потому что не был уверен, что же будет с ним дальше. Он не верил, что вновь обретет свою жену и девочек в царстве света и радости. В последнее время, когда ему случалось бросить взгляд в ночное небо, он видел там только звезды – удаленные солнца, пламенеющие в невообразимой глубине пустынного и холодного вакуума, но он ни разу, даже наедине с самим собой, не облек свои сомнения в слова, ибо это сделало бы жизнь Мишель и его дочерей не имеющей ни смысла, ни продолжения.

– Мы все приходим в этот мир с какой-нибудь целью, – сказала Бет негромко.

– Они были моей целью, – отозвался Джо. – Но их больше нет.

– Значит, у тебя есть какая-то другая цель, какое-то другое предназначение. И ты должен узнать, в чем оно состоит. Тому, что ты задержался в этом мире, обязательно должна быть какая-то причина.

– Нет такой причины, – возразил Джо и после паузы добавил: – Расскажи мне о небе, Бет, какое оно?

Бет тоже немного помолчала и наконец ответила:

– Облака на востоке, которые были розовыми, с золотыми краями, поблекли и стали белыми как снег. И все равно это не дождевые облака – для этого они слишком светлые и редкие.

Джо молча слушал, как Бет описывает ему утро, наступившее на противоположном краю континента. Потом они немного поговорили о светлячках, которыми Бет и Генри любовались накануне вечером с заднего крыльца своего виргинского дома. В Южной Калифорнии светлячки не водились, но Джо хорошо помнил, как они перемигивались под пологом ночного леса в Пенсильвании, где прошло его детство. В конце концов Бет стала описывать сад Генри, в котором уже поспевала клубника, и Джо почувствовал, что его начинает клонить в сон.

– У нас уже наступило утро, Джонни, – сказала в заключение Бет. – Теперь оно спешит к вам. Постарайся заснуть, милый, и, может быть, тогда, при дневном свете, ты увидишь свою цель, свое предназначение. Не зря говорят, что утро вечера мудренее.

После того как они попрощались, Джо опустил трубку на рычаг и лег на бок, глядя в окно, за которым медленно угасал лунный свет. Луна опускалась за холмы. Наступал самый темный предрассветный час.

Когда он заснул, то видел сны не о цели или предназначении, которое, возможно, путеводной звездой озарит его унылое существование, а отрывочные, лихорадочные кошмары, исполненные расплывчатой, неясной, но достаточно близкой угрозы, которая, скрывшись в ночном мраке, нависла прямо над его головой.

2

В тот же день, когда поздним утром Джо Карпентер ехал в Санта-Монику, с ним снова случилось что-то вроде приступа временного помешательства. Приступ начался с того, что грудь стиснуло с такой силой, что он едва мог дышать, а стоило ему оторвать пальцы от рулевого колеса, как они начинали трястись, точно у древнего старика.

В следующее мгновение Джо почувствовал, что падает с огромной высоты, как будто его «хонда» съехала с дороги и проваливается в какую-то бездонную пропасть. Между тем целое и неведимое шоссе продолжало расстилаться перед ним, и колеса все так же монотонно

шуршали по асфальту, но сознание регистрировало это уже как бы вторым планом. Как бы там ни было, Джо никак не удавалось справиться с ощущением падения и убедить себя в том, что все по-прежнему в порядке.

Поддавшись панике, он убрал ногу с акселератора и нажал на тормоз. Покрышки пронзительно завизжали по асфальтовому покрытию, а сзади протестующе затрубили сигналы мчащихся следом машин. В последний момент Джо вырулил на обочину, и водители проносившихся мимо остановившейся «хонды» грузовиков и легковушек награждали его убийственными взглядами или совершали в его направлении оскорбительные жесты. Губы их шевелились, произнося ругательства, но Джо это не трогало. Он уже привык жить в Большом Лос-Анджелесе, вступившем в век перемен, – в бурлящем и кипящем городе, который, опережая остальные города, на всех парах неся навстречу скорому апокалипсису и где, случайно наступив одной ногой на чужой газон, можно было получить в голову порцию свинца.

Несмотря на то что Джо остановил машину, ощущение падения становилось все сильнее, все явственней. Желудок его вел себя так, будто он не сидел, откинувшись на спинку сиденья неподвижной машины, а неся во весь дух в тележке аттракциона, которая то круто взлетает вверх, то проваливается вниз. В салоне «хонды» Джо был один, но он ясно слышал крики других пассажиров: сначала негромкие, потом – все более высокие и пронзительные. И это не были вопли восторга, которые срываются с губ любителей острых ощущений в любом луна-парке; это были крики, исполненные чистого, неподдельного страха и ужаса.

– Нет, нет, не надо, нет!... – услышал Джо свой собственный голос, доносящийся откуда-то со стороны.

Обочина шоссе, на которую он свернул из общего потока движения, была довольно узкой, и Джо остановил «хонду» как можно ближе к металлическому ограждению, за которым начались похожие на высокую приливную волну заросли олеандра.

Двигатель Джо выключать не стал; несмотря на то что его лицо и грудь заливал холодный пот, упругая струя воздуха из кондиционера была необходима ему для того, чтобы дышать. Давление на грудь, которое он продолжал ощущать, все усиливалось, и каждый всхлипывающий, судорожный вздох был для него пыткой, зато каждый выдох вырывался из его легких с резким звуком, похожим на маленький взрыв.

Воздух в салоне был чистым, но Джо был уверен, что чувствует запах дыма. И не только запах, но и вкус. Он ясно различал резкую вонь горящего масла, терпкий чад пузырящегося пластика, горечь расплавленного винила, едкий привкус нагретого металла.

Бросив взгляд на плотную стену зеленой листвы и красных цветов олеандра, льнущих к окну с пассажирской стороны, Джо увидел вместо них неистовствующее коптящее пламя и плотные облака дыма, а само окно превратилось в самолетный иллюминатор – прямоугольник толстого двойного стекла с округленными краями.

То, что с ним происходило, действительно напоминало настоящее сумасшествие, но за последний год Джо пережил таких приступов не один и не два. Порой между каждыми двумя случаями проходила неделя или две, порой он испытывал нечто подобное по три раза за день, и каждый приступ длился от десяти минут до получаса.

Он даже обращался к психоаналитику, но терапия не помогла. Врач порекомендовал специальную медитацию, которая должна была уменьшить его беспокойство и тоску, но Джо сознательно отказался от этого. Ему нужна была боль – кроме нее, у него ничего больше не осталось.

Закрыв лицо холодными как лед руками, Джо постарался справиться с собой, но катастрофа продолжала разворачиваться по раз и навсегда заведенному сценарию. Удушливый запах дыма стал плотнее, а вопли воображаемых пассажиров – громче. Все вокруг вибрировало и ходило ходуном. Дрожал пол под ногами Джо, тряслись стены, прогибался и скрипел

потолок. Со всех сторон доносились жуткое дребезжание, треск, стоны раздираемого металла, стук, звон и скрежет, и все это тряслось, тряслось, тряслось...

– Пожалуйста, нет! – взмолился Джо.

Не открывая глаз, он отнял ладони от лица и, сжав руки в кулаки, опустил их на сиденье рядом с собой.

Прошло несколько мгновений, и он почувствовал, как крошечные пальчики испуганных детей вцепились в его запястья; тогда Джо разжал кулаки и крепко взял их ладошки в свои.

Конечно, в «хонде» никаких детей не было – они были все там же, в высоких креслах обреченного рейса № 353, куда забросила Джо больная, истерзанная, возбужденная память. На протяжении всего приступа он будет оставаться в двух местах одновременно – в реальном мире и в «Боинге-747» компании «Нэшн-Уайд эйр», который под рев турбин падал из безмятежного поднебесья и, метеоритом прочертив ночное небо, пикировал прямо на сонный и мягкий луг, вдруг оказавшийся тверже наковальни.

Наверное, Мишель сидела между дочерьми. Это в ее руки в последние свои минуты вцепились в невыразимом ужасе Крисси и Нина...

Между тем вибрация усиливалась, и воздух наполнился беспорядочно летящими предметами. Книги в мягких обложках, портативные компьютеры, карманные калькуляторы, пластиковые тарелки и вилки (когда разразилась катастрофа, многие пассажиры наверняка еще не закончили ужинать), пластмассовые стаканчики, одноразовые бутылочки с виски, ручки, карандаши и тому подобная мелочь – все пришло в движение и летало по салону, отскакивая от стен и людей.

Кашляя, задыхаясь от дыма, Мишель все-таки нашла в себе силы и заставила девочек наклонить голову. «Нагните голову, закройте лицо руками...»

Их лица... милые маленькие лица. У семилетней Крисси были высокие материнские скулы и ясные зеленые глаза, и Джо никогда не смог бы забыть ни радости, плясавшей в этих глазах, когда Крисси брала урок хореографии, ни сосредоточенности, появлявшейся в этих маленьких крыжовинках, когда она вставала на место отбивающего в их домашнем бейсбольном чемпионате.

Нине было всего четыре. Она была очаровательным курносым, пухленьким существом с серо-голубыми глазами, которые вспыхивали от неподдельной радости каждый раз, когда взгляд девочки падал на какое-нибудь живое существо: птицу, собаку, кошку. Ее тянуло к животным словно магнитом – как и их к ней, – словно Нина была реинкарнацией святого Франциска Ассизского, разговаривавшего со зверями. И это было не таким уж преувеличением, особенно после того, как Джо застал Нину в саду, где она с удивлением разглядывала пугливую ящерку, спокойно сидевшую у нее на ладошке.

«Опустите голову, закройте лицо...»

В этих словах были и утешение, и слабая надежда на то, что все обойдется, что все они останутся живы и самое худшее, что с ними может случиться, – это попавшее в глаз стекло или удар по голове компьютером, неожиданно обретшим способность летать.

Поднявшийся ураган все усиливался. Угол наклона стал таким, что прижатому к сиденью Джо никак не удавалось согнуться в поясе, чтобы защитить лицо.

Возможно, из люков в верхней полке выпали кислородные маски, возможно, самолет был поврежден, поэтому система безопасности сработала не так, как надо, и спасательные маски оказались не у каждого пассажира. Джо не мог знать это наверняка, и ему оставалось только гадать, дышали ли Мишель, Крисси и Нина нормально, или, давась хлопьями жирной черной сажки, они тщетно пытались словить судорожно раскрытыми ртами хотя бы глоток чистого воздуха.

Плотные клубы дыма заволокли уже весь салон. В самолете – и в «хонде» – стало темно и страшно, как в самой глубокой угольной шахте. В черном тумане зазмеились скрытые до

поры язычки пламени, и охвативший пассажиров ужас усилился, ибо никто не знал, в каком направлении будет распространяться огонь и что будет, когда пожар забушует в салоне со всей яростью.

Воздействующая на падающий самолет сила стала такой, что весь фюзеляж судорожно вздрогнул. Огромные крылья трепетали так, словно готовы были вот-вот оторваться, стальные нервюры, шпангоуты и лонжероны стонали и выли, как живые существа, в мучительной агонии, а из-под обшивки раздалась как будто приглушенная оружейная пальба – это отлетали головки болтов. Где-то в чреве погибающего самолета с пронзительным скрежетом разошлись несколько клепаных швов.

Должно быть, Мишель и девочкам показалось, что самолет может развалиться на куски еще в воздухе и ворвавшийся в салон ураган разлучит их, выбросив в ночную темноту, и они, пристегнутые каждая к своему креслу, понесутся к земле поодиночке, но этого не случилось. «Боинг-747», обладавший многократным запасом прочности, был настоящим чудом конструкторской мысли и воплощенным триумфом современной технологии. Несмотря на неполадки гидросистемы и потерю управления, его крылья не отломились, фюзеляж не рассыпался на части. Под вой мощных турбин «Пратт и Уитни», словно бросающих вызов земному тяготению, лайнер падал на землю целиком.

В какой-то момент Мишель, должно быть, поняла, что надежды нет, что они несутся навстречу смерти со все возрастающей скоростью, но, с характерным для нее мужеством и самоотречением, она наверняка думала в эти мгновения только о детях и попыталась как-то утешить их или хотя бы отвлечь. Словно наяву, Джо видел, как она наклоняется к Нине, как прижимает ее к себе и, перекрывая грохот и лязг, задыхаясь от ядовитых продуктов горения, кричит ей на ухо: «Все в порядке, малышка, я с тобой, и я люблю тебя! Ты моя самая лучшая маленькая девочка на свете!»

И пока самолет чертил темную ночь над Колорадо, Мишель – даже в последние секунды жизни – не могла не найти слов и для Крисси. Она, несомненно, произнесла их таким же взволнованным, но искренним и без тени паники голосом: «Все хорошо, дочка, мама с тобой. Возьми меня за руку и держи. Я люблю тебя и горжусь тобой. Все обойдется: мы вместе и всегда будем вместе...»

Сидя в своей «хонде» на обочине оживленного шоссе, Джо слышал последние слова и голос Мишель так, словно он сам присутствовал при этом и запомнил, записал их в память, как записывает магнитофон. Ему отчаянно хотелось верить, что в эти решительные и страшные минуты его дочери сумели позаимствовать часть исключительной внутренней силы, которой обладала их мать – удивительная и стойкая женщина. Джо просто необходимо было знать, что последним, что его девочки слышали в своей жизни, был голос Мишель, которая говорила им о своей любви.

При столкновении авиалайнера с землей раздался взрыв такой силы, что его было слышно в радиусе добрых двадцати миль. Звуковая волна разнеслась по пустынным сельским районам Колорадо, потревожив сов в лесах, вспугнув с гнезд ястребов и орлов и разбудив усталых фермеров, дремавших в креслах у очагов или отправившихся спать с наступлением сумерек.

Катастрофа была ужасной. При ударе о землю «боинг» не просто взорвался – он был разорван на тысячу обожженных, изуродованных, смятых и скрученных кусков, которые пропахали в разных направлениях безмятежно дремавший луг. Оранжевые брызги горящего топлива разлетелись во все стороны и зажгли плотные заросли вечнозеленых кустарников и деревьев. Триста тридцать человек, включая бортпроводников и экипаж, погибли мгновенно.

И Мишель, научившая Джо почти всему, что он знал о сострадании и любви, тоже исчезла, сгинула в этот страшный миг...

И Крисси, семилетняя балерина и бейсболистка, никогда больше не встанет к станку, не поднимется на пуанты и не взмахнет тяжелой, со свистом рассекающей воздух битой...

И если живые твари чувствовали такую же прочную связь с маленькой Ниной, как и она с ними, то в эту страшную ночь в лесистых холмах Колорадо все они дрожали в своих норках, зажав глаза и заткнув лапками мохнатые уши.

Из всей большой и счастливой семьи Джо Карпентер был единственным, кто остался в живых.

Но его не было с ними на борту рейса 353. Все пассажиры, оказавшиеся в салоне злощастного «боинга», обратились в прах, и если бы среди них был Джо, то и его останки можно было бы опознать лишь по записям дантиста да по одному-двум пальцам, кожа на которых не настолько обгорела, чтобы с них нельзя было снять отпечатки. Эти его возвращения в прошлое не имели поэтому никакого отношения к памяти. Виновато во всем было лихорадочное возбуждение, болезнь измученного разума, приступы которой настигали его и во сне, и наяву – как сейчас. Чувство вины за то, что он не погиб если не вместо Мишель и дочерей, то, по крайней мере, вместе с ними, не давало Джо покоя, и он не переставая мучил себя попытками разделить с дорогими ему людьми ужас их последних минут.

Но, как и следовало ожидать, воображаемые полеты на борту обреченного лайнера не приносили ему желанного облегчения. Как Джо ни старался, он никак не мог смириться с происшедшим и принять его окончательно. Напротив, каждый ночной кошмар и каждый приступ, случавшийся с ним при свете дня, лишь заново растрavляли его незажившие, кровоточащие раны.

Джо вздрогнул и, открыв глаза, с легким удивлением уставился на несущийся мимо поток машин. На мгновение он задумался о том, что стоит ему только открыть дверцу и сделать быстрый шаг на шоссе, как он будет сбит тяжелым грузовиком, и тогда все страдания для него кончатся...

Но он остался сидеть в «хонде». И не потому, что боялся смерти, а по причинам, которые не были ясны ему самому. Возможно, впрочем, Джо казалось, что он должен продлить казнь и приговорить себя к добавочной порции жизни.

За окном пассажирской дверцы качались и клонились под ветром, поднятым проносящимися машинами, ветки и цветы олеандра. Они негромко шуршали и скребли по стеклу, и салон «хонды» наполнился еле слышными призрачными голосами, похожими на жалобы потеранных, заблудившихся душ.

Джо понял, что больше не дрожит. Заливавший лицо пот начал подсыхать в потоке прохладного воздуха, с шипением вырывавшегося из сопел кондиционера на приборной панели. Ощущение падения тоже исчезло. Он больше не падал – он достиг самого дна.

В жарком августовском мареве, в пелене синеватого смога легковушки и грузовики мчались по шоссе, словно призраки или миражи, которые какой-то сверхъестественный ураган стремительно несет на запад – к чистому воздуху и прохладному морю. Выждав, пока в потоке машин не образовался просвет, Джо вырулил с обочины и прибавил скорость. Он тоже направлялся на побережье.

3

В сиянии жаркого августовского солнца песок пляжа казался белым, как кость, выбеленная ветром и дождем. Зеленоватый океан лениво и мерно накатывался на берег, вынося на песок крошечные ракушки и экзоскелеты мертвых и умирающих обитателей шельфа.

Пляж у Санта-Аны был забит людьми, которые загорали, играли в мяч или, с удобством расположившись на больших полотенцах или покрывалах, поглощали привезенную с собой или купленную поблизости провизию. Несмотря на то что в глубине континента уже властвовал жаркий и душный день, на побережье было достаточно комфортно и свежо благодаря легкому бризу, приносившему прохладу с просторов Тихого океана.

Некоторые купальщики с любопытством и легким недоумением косились на Джо, который медленно брел вдоль береговой линии в белой майке, бежевых просторных брюках и спортивных кроссовках на босу ногу. Хмурое выражение его лица тоже указывало на то, что он пришел сюда не затем, чтобы купаться или загорать.

Спасатели зорко следили за купающимися; девушки в бикини, прогуливавшиеся у кромки берега, наблюдали за спасателями, замороженные движениями их тренированных загорелых тел, и не обращали никакого внимания на чудесные раковины, которые щедрый океан швырял к их ногам вместе с гирляндами белой пены и водорослей. На мелководье возились дети, но Джо старался как можно реже поворачиваться в их сторону. Их звонкая радость, восторженные крики и беззаботный смех действовали ему на нервы и рождали в душе иррациональный, ничем не обоснованный гнев.

Держа в одной руке полотенце, а в другой – пенополистироловый охладитель, Джо продолжал медленно двигаться на север, глядя на обожженные солнцем холмы Малибу, встающие за изгибом береговой линии залива. Наконец ему удалось найти относительно безлюдный участок пляжа. Здесь он расстелил полотенце, сел на него и, обратившись лицом к воде, достал изо льда жестянку пива.

Если бы океан был его собственностью, он предпочел бы покончить жизнь самоубийством на берегу. Несмолкающий шорох прибоя, сверкающие под солнцем или посеребренные луной пенистые барашки, безупречная дуга далекого горизонта – все это не дарило Джо ни мира, ни покоя. Единственное, о чем он способен был думать, глядя на волны, – это блаженное забытие.

Монотонные ритмы моря были единственным, что в представлениях Джо как-то ассоциировалось с понятиями о Боге и вечности.

Больше всего Джо надеялся, что, после того как он выпьет несколько бутылок пива, живописные пейзажи тихоокеанского побережья окажут на него свое благотворное действие и успокоят настолько, что он сумеет собраться с силами и отправиться на кладбище. Чтобы постоять на земле, укрывшей его жену и дочерей. Чтобы коснуться каменного надгробия, на котором высечены их имена...

Сегодня Джо чувствовал свой долг перед мертвыми сильнее, чем в иные дни.

Двое подростков – неправдоподобно худых, в мешковатых плавках, едва державшихся на их узких бедрах, – прибрежи вдоль берега с северной стороны и остановились напротив Джо. Один из них носил длинные волосы, стянутые на затылке резинкой, второй был острижен по последней моде – под машинку и имел в ухе серьгу. Оба были обожжены солнцем буквально до черноты. Любуясь морем, они повернулись к Джо спиной и загородили ему всю панораму. Он уже собирался попросить их отойти, когда один из подростков неожиданно спросил:

– Эй, приятель, что продаешь?

Джо промолчал, так как ему показалось, что подросток обращается к своему стриженному другу.

– Ну так как? – снова спросил тот, продолжая тарашиться в сторону океана. – Травка там у тебя или выпивка?

– У меня здесь только несколько банок пива, – отозвался Джо, поднимая на лоб солнцезащитные очки, чтобы взглянуть на парней получше. – Но они не продаются.

– Вот и хорошо, – сказал стриженный. – А то мы видели двух придурков, которые, похоже, считают, что у тебя полный ящик травы.

– Где?

– Только не поворачивайся туда сразу, – предупредил подросток с конским хвостом. – Подожди, пока мы не отойдем подальше. Эти двое уже давно тебя пасут, и от них за милю несет копами. Удивляюсь, как ты до сих пор не почувствовал вони.

– Пятьдесят футов к югу, возле спасательной вышки, – подхватил стриженный, также не оборачиваясь. – Два фраера в гавайских рубашках, похожи на проповедников в отпуске. У одного бинокль, а у другого – рация.

– Спасибо, – с признательностью ответил Джо и опустил очки. – Большое спасибо.

– Не стоит, – откликнулся длинноволосый. – Мы просто хотели предупредить, по-дружески. Ненавижу копов.

– Сраная система! – добавил стриженный с неожиданной циничной горечью, которая казалась особенно странной у такого молодого человека.

Потом с грацией молодых тигрят подростки двинулись вдоль пляжа дальше на юг, поглядывая на девушек в бикини. Их лиц Джо так и не рассмотрел толком.

Минут через пять, прикончив первую банку пива, Джо повернулся к охладителю и взялся за крышку. Убрав пустую жестянку, он кинул небрежный взгляд в сторону, в которую удалились подростки. В тени, отбрасываемой спасательной вышкой, действительно стояли двое мужчин в ярких гавайских рубашках. Тот, что повыше, одетый в рубашку по преимуществу зеленых тонов и белые хлопчатобумажные брюки, как раз рассматривал Джо в бинокль. Заметив, что Джо глядит в его сторону, он спокойно повернулся и направил бинокль на юг, притворяясь, будто поглощен разглядыванием группы девочек-подростков в почти невидимых купальных костюмах.

Второй наблюдатель был в рубашке красно-оранжевых тонов и длинных бежевых бриджах, закатанных выше колен. Он стоял на песке босиком и держал в левой руке сандалии и носки. В его правой руке Джо заметил какой-то предмет, который мог оказаться и миниатюрным транзисторным приемничком, и переносным проигрывателем компакт-дисков. Не исключено, впрочем, что это на самом деле была полицейская коротковолновая рация.

Высокий коп был покрыт ровным бронзово-красным загаром; волосы его выгорели на солнце и казались соломенно-желтыми. Его товарищ, напротив, явно пренебрегал солнечными ваннами – его кожа была болезненно-светлой.

Джо откупорил банку пива и, вдыхая запах показавшейся из отверстия пены, снова повернулся к воде.

Несмотря на то что ни один из этих двоих не был похож на человека, вышедшего из дому с намерением отправиться именно на пляж, оба наблюдателя не слишком бросались в глаза. Во всяком случае, не больше, чем сам Джо. Подростки сказали, что от них за милю несет полицией, однако Джо, хоть и проработал репортером отдела уголовной хроники целых четырнадцать лет, даже сейчас не опознал в них копов.

В любом случае у полиции не было, да и не могло быть никаких причин интересоваться его скромной персоной. Количество убийств возрастало не по дням, а по часам; число изнасилований почти сравнялось с числом романтических увлечений, вспыхивавших ежевечерне в барах и на дискотеках, а кражи и грабежи были настолько распространены, что порой могло показаться, будто одна половина населения штата постоянно что-то крадет у другой половины и наоборот, и Джо вполне резонно полагал, что копы вряд ли станут придираться к нему за то, что он пьет пиво на общественном пляже.

С севера, словно белые молнии, появились три бесшумные чайки, поднявшиеся с какого-то дальнего пирса. Сначала они неслись параллельно береговой линии, но потом неожиданно взмыли высоко в небо и закружились над сверкающим заливом.

Улучив момент, Джо бросил в направлении спасательной вышки еще один осторожный взгляд. Наблюдателей там уже не было.

Он снова повернулся к океану.

Набегавшие на берег небольшие волны разбивались на песке и отползали обратно, оставляя после себя клочья пены, и Джо наблюдал за этим извечным движением с напряженным

вниманием добровольца, который во время публичного выступления гипнотизера следит за его брелоком, раскачивающимся у него перед глазами на тонкой серебряной цепочке.

На этот раз, однако, волнам так и не удалось загипнотизировать его до полной потери чувствительности. Как Джо ни старался, он так и не сумел направить свои мысли в более спокойное русло. Как движущаяся планета влияет на поведение собственного спутника, так и Джо попал под магическое действие календаря, и все его мысли вращались только вокруг одной и той же даты: пятнадцатое августа, пятнадцатое августа, пятнадцатое августа... Первая годовщина катастрофы. Словно гиря, эта дата увлекала его за собой на самое дно, в черный омут мучительных воспоминаний.

Когда после расследования обстоятельств катастрофы и тщательной переписи всех органических и неорганических фрагментов, найденных на месте крушения, Джо наконец получил останки Мишель и девочек, он был немало удивлен тем, что запаянные цинковые гробы оказались очень небольшими. Фактически все три гробика оказались детскими, во всяком случае по размерам, но он принял их так, словно это были раки с мощами святых.

В качестве корреспондента отдела уголовной хроники Джо был прекрасно осведомлен о том, какое разрушительное воздействие оказывает на хрупкие человеческие тела удар самолета о землю. Знал он и о том, что огонь не щадит даже тугоплавкий пластик и металл, не говоря уже о телах, и все же ему казалось странным, что от Мишель и девочек осталось так мало, — особенно когда он думал о том, как много места они когда-то занимали в его жизни.

Без них мир стал для него чужим. Просыпаясь по утрам, Джо долго не мог сообразить, где он и что с ним, и начинал более или менее ориентироваться в окружающем только по прошествии полутора-двух часов. Бывали и такие дни, когда планета делала полный двадцатичетырехчасовой оборот, но Джо не вращался вместе с ней, пребывая в каком-то своем, неподвижном мире, где ничто не текло и не изменялось. По всем приметам сегодняшний день был как раз таким.

Прикончив вторую банку пива, Джо убрал опустевшую жестянку в холодильник и поднялся. Он еще не был готов к поездке на кладбище; просто ему нужно было в туалет.

Повернув голову, Джо неожиданно заметил высокого блондина в зеленой гавайке. Тот был уже без бинокля и сидел на песке футах в шестидесяти к северу, а не к югу от спасательной вышки. Чтобы загородиться от Джо, он выбрал позицию между двумя молодыми парочками на полотенцах и надувных матрасах и многочисленным мексиканским семейством, которое расположилось на отдых со всеми возможными удобствами, застолбив свой участок с помощью складных столиков, походных стульчиков и двух обширных пляжных зонтиков.

Стараясь не подавать виду, что заметил слежку, Джо небрежно оглядел пляж, надеясь засечь напарника первого копа, но низкорослого полицейского в красно-оранжевой рубашке нигде не было видно.

Между тем белобрысый коп старательно избегал прямых взглядов в сторону Джо. Одна его рука была прижата к уху таким образом, словно у него в кулаке был аппарат для глухих и он старательно закрывал его от доносящейся со всех сторон музыки, чтобы расслышать что-то важное.

Расстояние не позволяло Джо рассмотреть лицо копа внимательнее, но ему показалось, что губы его шевелятся. Похоже, он как раз вел переговоры со своим отсутствующим напарником.

Оставив на песке холодильник и полотенце, Джо решительно зашагал вдоль берега к общественной уборной. Ему не нужно было поворачивать голову — взгляд белобрысого он чувствовал лопатками и спиной. Этот взгляд почти убедил Джо, что употребление пива на общественном пляже все еще считается серьезным нарушением закона даже сейчас. В конце концов, общество, которое с такой бесконечной терпимостью относится к коррупции и насилию, просто обязано было бескомпромиссно бороться с мелкими правонарушениями, хотя бы для того,

чтобы убедить само себя, что оно еще не окончательно рассталось со своими высокими принципами и широко разрекламированными стандартами.

За час, прошедший с тех пор, как Джо приехал на пляж, толпа у причала стала еще более многолюдной. Из парка аттракционов доносились восторженные вопли отдыхающих, катавшихся на американских горках, и лязг роликов по стальным рельсам.

Сняв темные очки, Джо толкнул дверь и вошел в полутемную общественную уборную.

Здесь, в мужском отделении, сильно и резко пахло мочой и дезинфицирующей жидкостью. По проходу между кабинками и шеренгой писсуаров ползал крупный тропический таракан, наполовину раздавленный чьей-то ногой. Он был еще жив, но, утратив все инстинкты и чувство ориентации, кружил и кружил по кафельной плитке, и посетители, глядя на него кто безразлично, кто равнодушно, а кто и с удовольствием, старались обойти насекомое стороной.

Воспользовавшись писсуаром, Джо отошел к раковине и стал мыть руки, незаметно разглядывая в зеркале других мужчин. Ему нужен был сообщник. Наконец его внимание привлек одетый в плавки и сандалии патлатый подросток не старше четырнадцати лет.

Когда парень двинулся к рулону бумажных полотенец, Джо зашел сзади и негромко сказал:

– Там снаружи должны быть двое легавых. Они ждут меня.

Парень обернулся и встретился с Джо взглядом, но ничего не сказал, машинально комкая в руках бумажную салфетку.

– Я заплачу тебе двадцать долларов, если ты разведаешь для меня обстановку, – пообещал Джо. – Тебе нужно только выйти, посмотреть, где они, и вернуться.

Глаза у подростка были иссиня-лиловыми, словно свежий синяк, а взгляд – прямым и резким, как удар в челюсть.

– Тридцать, – сказал он.

Насколько Джо помнил, в таком возрасте он не осмеливался смотреть в глаза взрослым так дерзко и с таким вызовом. Если бы кто-то подошел к четырнадцатилетнему Джо с подобным предложением, он покачал бы головой и постарался исчезнуть как можно быстрее.

– Пятнадцать сейчас, пятнадцать – когда вернусь, – сказал подросток.

Джо бросил полотенце в мусорный бак.

– Десять сейчас, двадцатку – потом.

– Заметано.

Доставая из кармана бумажник, Джо пояснил:

– Один из них высокий, примерно шесть футов и два дюйма, светловолосый, в зеленой гавайке. Второй пониже, пять футов и десять дюймов, бледный, волосы русые, редкие, рубашка оранжевая с красным.

Не опуская взгляда, парень взял из рук Джо десятидолларовую бумажку.

– А может быть, там, снаружи, и нет никого, – спокойно сказал он. – Может быть, все это – просто наживка, чтобы, когда я вернусь, ты мог позвать меня в одну из кабинок. Чтобы получить остальное...

Джо смутился. И дело было не в том, что подросток заподозрил в нем извращенца. Ему было ужасно неловко и стыдно, что этот молодой парень родился и вырос в таком месте и в такое время, которые требуют от него недетских знаний и умения быть постоянно настороже.

– Это не уловка, – выдавил он.

– Просто я не по этой части, приятель.

– Я понимаю.

Этот разговор слышали по меньшей мере человек пять, но никто не обратил на них внимания, никто не заинтересовался. Определенно двадцатый век летел к концу под девизом «Живи сам и дай жить другим!».

Когда подросток собрался уходить, Джо окликнул его.

– Вряд ли они стоят около самого входа, – предупредил он. – Их будет не так-то легко заметить. Погляди в радиусе шагов тридцати-сорока.

Не ответив, парень направился к двери, громко стуча каблуками сандалий по плитке пола.

– Если ты рассчитываешь смыться с моей десяткой, – предупредил его напоследок Джо, – то имей в виду: я обещаю, что не пожалею времени, чтобы найти тебя и как следует надрать задницу.

– Понял, начальник, – насмешливо бросил подросток через плечо и вышел, а Джо снова вернулся к рукомойнику, покрытому пятнами ржавчины в тех местах, где эмаль была сколота, и снова начал намыливать руки, чтобы не привлекать внимания.

Тем временем возле искалеченного таракана, который все еще описывал по грязному кафелю на удивление правильные круги, остановились трое молодых парней. На вид им было лет по двадцать с небольшим. Они разглядывали тварь, которая с присущей насекомым целеустремленностью ковыляла по полу, и их лица отражали напряженную работу мысли. В конце концов в руках троицы появились пачки долларов; судя по всему, они собирались биться об заклад, за сколько секунд таракан завершит очередной круг.

Склонившись над раковиной, Джо плеснул себе в лицо пригоршню холодной воды. Вода сильно отдавала хлором, ощущение чистоты, которое она приносила, напрочь забивалось поднимающимися из канализационных стоков запахами.

Хуже всего было, однако, то, что уборная почти не проветривалась. Здесь было гораздо жарче, чем на самом солнцепеке; застоявшийся запах аммиака, прокисшего пота и дезинфектантов был таким резким, что глаза у Джо начали непроизвольно слезиться. Он старался дышать ртом, но все равно его чуть не стошнило.

Между тем подросток почему-то задерживался.

Джо еще раз плеснул на себя водой и, подняв голову, внимательно исследовал в щербатом зеркале свое лицо и стекающие по нему капельки воды. Несмотря на загар, к которому за прошедший час кое-что добавилось, кожа лица выглядела далеко не здоровой. Глаза у него были серыми. Собственно говоря, они всегда были серыми, вот только раньше напоминали своим оттенком блестящую полированную сталь или цвет «мокрый асфальт», а сейчас казались тусклыми, словно зола. Белки глаз Джо были испещрены красными прожилками.

К трем парням, делавшим ставки на таракана, присоединился четвертый человек. На вид ему было за пятьдесят, однако, несмотря на солидную разницу в возрасте, он старался не отставать от молодого поколения, по крайней мере в бессмысленной жестокости. Четверка загрозила почти весь проход, азартно вопя и размахивая руками, следила за судорожными движениями искалеченного насекомого с таким напряженным вниманием, словно это был чистокровный скакун, несущийся к финишному столбу по дорожке ипподрома. Потом между болельщиками разгорелся спор, являются ли беспрестанно шевелящиеся усики насекомого частью системы ориентирования или же просто обонятельными органами, с помощью которых таракан отыскивает пищу и самок, чтобы с ними перепихнуться.

Стараясь не обращать внимания на хриплые вопли, Джо продолжил исследовать себя в зеркале, гадая, зачем, собственно, он послал подростка высматривать копов в ярких гавайках. Если эти двое действительно были полицейскими детективами, осуществляющими наружное наблюдение, то они наверняка приняли его за кого-то другого. В таком случае они быстро обнаружат свою ошибку и Джо никогда больше их не увидит.

Здравый смысл подсказывал ему, что собирать сведения о копах или нарываться на конфликт было по меньшей мере глупо.

В конце концов, он пришел на берег для того, чтобы подготовиться к поездке на кладбище. Джо было просто необходимо настроить себя в унисон с древними монотонными рит-

мами вечного моря, которые могли помочь ему залечить раны души и сгладить острые, режущие грани поселившихся глубоко внутри тревоги и тоски – точь-в-точь как прибой точит и обкатывает обломки скал до тех пор, пока не превратит их в округлые, вросшие в песок голыши, которые остаются невозмутимы и неподвижны, как бы ни бесновалась потом волна. Шипящий и шепчущий у ног океан как будто рассказывал ему о том, что жизнь – это всего лишь немного небесной механики, бессмысленной или непостижимой (для Джо, как и для большинства людей, это было одно и то же), плюс действие неких бездушных сил, которые вызывают приливы и отливы. Это послание, проникнутое глубокой и неизбывной безнадежностью, помогало ему частично расслабиться именно благодаря тому, что оно же и унижало его, делало Джо совершенно бессильным и ничтожным, не способным предпринять ничего такого, что принесло бы сколько-нибудь заметные результаты. Кроме того, у него еще оставалось пиво, и одна-две банки должны были притупить его чувства настолько, чтобы преподанный океаном урок оставался с ним все время, пока он будет ехать через город к кладбищу, и даже дальше.

Нет, ему не нужны были абсолютно никакие дела, которые бы его отвлекали. Ему не нужны были никакие тайны. Для Джо жизнь утратила всякий покров таинственности в ту же самую ночь, когда она потеряла всякую прелесть и смысл. В ту ночь, когда на ни в чем не повинный спящий луг в Колорадо вдруг обрушились с неба смерть и огонь...

Защелкали по полу сандалии, и в туалете снова появился патлатый юнец, вернувшийся за причитающейся двадцаткой.

– Никаких высоких блондинов в зеленых рубашках я не видел, – развязно заявил он. – Но второй – этот точно здесь, лысину на солнце парит.

За спиной Джо в восторге заорал кто-то из игроков. Остальные разочарованно застонали: очевидно, умирающий таракан закончил свой очередной круг на несколько секунд раньше или позже, чем предыдущий.

Подросток с любопытством повернулся в ту сторону и вытянул шею.

– Где? – коротко спросил Джо, доставая из бумажника двадцатидолларовую бумажку.

Парень, все еще стараясь разглядеть что-нибудь между телами сгрудившихся вокруг таракана игроков, сказал:

– Недалеко от входа, под пальмой с двумя складными столиками, за которыми режутся в шахматы узкоглазые... корейцы, что ли?.. Там твой приятель и стоит. До него футов восемьдесят или около того.

Несмотря на то что высокие матовые стекла пропускали внутрь ослепительно-белый солнечный свет, а флюоресцентные лампы под потолком были скорее голубоватыми, воздух в туалете казался желтым, словно насыщенным парами кислоты.

– Посмотри на меня, – сказал Джо.

Подросток, разглагольствовавший наконец таракана-калеку, который начинал очередной круг, рассеянно переспросил:

– Что?..

– Смотри на меня!

Скорее удивленный, чем испуганный тихой яростью, прозвучавшей в голосе Джо, подросток повернул голову и на короткое мгновение встретился с ним взглядом. Потом его глаза, неприятно похожие цветом на два свежих синяка, медленно опустились и сосредоточились на двадцатидолларовой бумажке.

– Парень, которого ты видел, был в красной гавайке? – переспросил Джо.

– Точно, – кивнул шпион-доброволец. – Там и другие цвета были, но в основном она действительно красно-оранжевая.

– А в какие брюки он был одет?

– Брюки? Я что-то не...

– Чтобы проверить твои слова, я нарочно не сказал, что еще было на нем надето. Так что скажи мне это сам, если ты его действительно видел.

– Послушай, мужик, это что, допрос? Откуда я знаю, во что он там был одет? Не то шорты, не то плавки...

– Постарайся все-таки вспомнить поточнее.

– Кажется, это были шорты. Белые?.. Нет, скорее бежевые. Точнее сказать не могу – откуда мне было знать, что тебя так интересует его гардероб? По правде говоря, он бросается в глаза, как огородное пугало посреди шоссе, – должно быть, потому, что у него в руке что-то вроде сандалий, а в них – свернутые носки.

Джо понял, что это, несомненно, был тот самый человек, которого он видел у спасательной вышки с рацией в руке.

Игроки снова азартно завопили, подбадривая таракана. Смех, проклятия, предложения принять ставки были такими громкими, что отразились от бетонных стен уборной и, искаженные до неузнаваемости, заметались под высоким потолком, сотрясая стекла с такой силой, что Джо всерьез испугался, что они сейчас лопнут.

– А он наблюдал за тем, как корейцы играли в шахматы, или прикидывался? – спросил Джо осторожно.

– Нет, он оглядывался по сторонам и трепался с двумя телками.

– С телками?

– Ну да, с двумя такими роскошными девами в бикини на шнурках. Если бы ты видел их, особенно рыжую, в зеленом купальничке. Классная сучка! Выглядит она, доложу я тебе, на все двенадцать баллов по десятибалльной шкале. Мужской взгляд сам на ней останавливается, ей даже сиськами трясти не надо.

– И ты считаешь, что лысый их клеит? – усомнился Джо.

– Не знаю, что он там себе воображает, – отозвался подросток, – но у него нет ни шанса. Такие сучки обычно не клюют на неудачников – чтобы трахнуться, они всегда могут найти себе все, что только захотят...

– Перестань называть их суками, – перебил Джо.

– Это почему же?

– Потому что они – женщины.

В сердитых глазах подростка что-то сверкнуло, словно в них вдруг отразилось блестящее лезвие выкидного ножа.

– Послушай, мужик, ты что – папа римский? Тоже мне святоша выискался!..

Едкий желтый воздух вокруг них неожиданно сгустился настолько, что Джо почувствовал, как крошечные капельки кислоты разъедают ему кожу. Звук спускаемой в унитазах воды действовал ему на нервы, и Джо показалось, что у него в животе тоже что-то забурлило. Сражаясь со внезапно подкатившей к горлу тошнотой, он сказал:

– Опиши женщин.

Подросток отвечал с еще большим вызовом и неприкрытой наглостью:

– Телки – полный улет, особенно рыжая. Но и темненькая ей почти не уступает. Я готов ползти по битому стеклу, лишь бы ее трахнуть, пусть даже она и глухая.

– Глухая?

– Глухая или что-то вроде того, – подтвердил парень. – Она все время возилась со своим слуховым аппаратом – то совала его в ухо, то снова вынимала, как будто он ей не совсем подходит. Но это ее единственный недостаток. Она действительно красотка что надо, эта сучка!

Джо был на шесть дюймов выше и как минимум на сорок фунтов тяжелее подростка, но ему захотелось схватить его за горло и душить, душить, душить до тех пор, пока он не поклянется никогда больше не употреблять это слово не подумав. Или пока парень не поймет, какое оно мерзкое и как оно унижает всех – и в первую очередь его самого, – когда он использует его

мимоходом, словно навязшее в зубах присловье. Но уже в следующее мгновение Джо испугался своей собственной дикой реакции. Зубы его были стиснуты, жилы на лбу и шее вздулись, точно канаты, в ушах стучало, а глаза застилала черно-красная пелена бешенства. Тошнота не только не прошла, но стала сильнее, и он поспешно глотнул воздуха, чтобы привести себя в чувство.

Должно быть, подросток заметил в глазах собеседника что-то такое, что заставило его осечься на полуслове. Даже поза его изменилась и стала не такой вызывающей, а взгляд снова ушел в сторону – туда, где игроки продолжали гонять по кругу таракана с расплюснутым брюшком.

– Дай мне мои деньги, – сказал он. – Я их заработал.

Но Джо не спешил расстаться с двадцаткой.

– Где твой отец?

– А что?

– А мать?

– Тебе-то какое дело?

– Где же они?

– У них своя жизнь, у меня – своя.

Гнев Джо превратился в отчаяние.

– Как тебя зовут, парень?

– Зачем тебе знать? Или ты думаешь, что я сопляк, которому мамочка не разрешает одному ходить на пляж? Так вот, я уже давно хожу туда, куда мне хочется, а ты можешь поцеловать себя в зад!

– Никто не спорит, что ты можешь ходить, куда тебе хочется, но тебе не обязательно бывать везде.

Подросток снова посмотрел на Джо в упор. В его глазах-гематомах промелькнула тень такого глубокого одиночества и такой острой застарелой боли, что Джо был потрясен до глубины души. Ни один подросток в таком нежном возрасте просто не должен был доходить до такого состояния, какими бы ни были его обстоятельства.

– Не обязательно бывать везде? – переспросил подросток. – Что это означает?

Джо почувствовал, что между ними неожиданно установилась глубокая и тесная связь, возникло понимание на подсознательном, интуитивном уровне. Дверь, разделявшая его и этого неблагополучного подростка, неожиданно повернулась на петлях, распахнулась во всю ширь, и Джо подумал, что и его собственное будущее, и будущее этого парня может быть изменено к лучшему самым решительным образом, если он только поймет, куда они смогут пойти после того, как шагнут через этот порог. Но увы!.. Ему тут же пришло в голову, что его собственное бытие было таким же бессодержательным, а жизненная философия – такой же пустой, как любая из выброшенных на песок раковин. У него не осталось ни веры, которой он мог бы поделиться, ни мудрости, на которую можно было бы опереться, ни надежды. Джо сам не понимал, за счет чего он продолжает с грехом пополам держаться; как же он сумеет поддержать еще одного, постороннего человека?

Он сам был поверженным, а поверженный не может никого повести за собой.

Для юнца момент искренности прошел еще быстрее, и он ловко выдернул двадцатидолларовую бумажку из пальцев Джо. Выражение его лица стало насмешливым, и он с издевкой повторил:

– Потому что они – женщины, да... – Он попятился. – Но если как следует их завести, они превращаются в грязных, распаленных сучек.

– Неужели все мы – просто животные? – спросил в свою очередь Джо, но подросток уже выскользнул из уборной и не услышал вопроса.

Несмотря на то что Джо дважды вымыл руки, он снова почувствовал себя так, словно ковырялся в самой грязной грязи.

Тогда Джо снова повернулся к рукомойникам, но оказалось, что добраться до них он не сможет, – непосредственно вокруг таракана собралось уже человек шесть или семь, а за ними стояло еще несколько болельщиков или просто зевак.

В уборной было жарко и невыносимо душно, пот градом катился по лицу и по спине Джо. В носу свербело от резкого запаха, кислота с каждым вдохом разъедала легкие, глаза слезились. Плотный желтый воздух колыхался перед зеркалами, размывая отражения фигур игроков, словно они были не существами из плоти и крови, а проклятыми душами в аду, увиденными сквозь потайное, покрытое потеками серы и гноя окошко. Игроки азартно кричали и улюлюкали, потрясая в воздухе пачками долларов. Их голоса сливались в один пронзительный вой, напоминая речь буйнопомешанного, который то глухо бормочет себе под нос, то визжит в бессмысленной и безумной ярости. Этот визг вонзался в мозг Джо, словно кинжал; от него ныли зубы, и казалось, еще немного – и звуковые колебания начнут раскалывать стекла.

Протолкавшись между мужчинами, он наступил на таракана ногой и раздавил.

В сверхъестественной тишине, последовавшей сразу за этой дерзкой выходкой, Джо повернулся и направился к выходу. Душераздирающие крики болельщиков все еще звенели у него в ушах, а каждая клеточка продолжала вибрировать в унисон звуковым волнам. Ему хотелось выбраться отсюда как можно скорее, пока он не взорвался, ко всем чертям.

Игроки очнулись от столбняка почти одновременно – очнулись, задвигались и сердито заговорили хором, словно обуянные праведным гневом прихожане в церкви, в которую во время службы ввалился пьяный уличный бродяга и заблевал алтарь.

Один из мужчин, с розовым, словно ломоть ветчины, лицом и растрескавшимися от жары губами, едва прикрывавшими желтые зубы, между которыми застряли кусочки табачной жвачки, грубо схватил Джо за руку и развернул к себе.

– Какого черта, приятель?! – воскликнул он.

– Отпусти меня, – дрожа от еле сдерживаемого гнева, отозвался Джо.

– Я должен был выиграть деньги!

Его пальцы, сжимавшие запястье Джо, были влажными от пота, но короткие грязные ногти впились в мякоть руки с такой силой, что вырваться из его хватки было бы непросто.

– Отпусти руку, слышишь?

– Я должен был выиграть деньги! – повторил мужчина и скорчил такую свирепую гримасу, что его потрескавшиеся губы лопнули и из трещин выступили капельки крови.

Перехватив руку мужчины, Джо оторвал от своего запястья его короткий и толстый палец и загнул в противоположном направлении. Прежде чем глаза противника успели расшириться от удивления и боли, Джо завел ему руку за спину, развернул и с силой толкнул в спину, так что нападавший с разбега врезался лицом в дверцу туалетной кабинки.

Джо казалось, что еще во время разговора с подростком его гнев улегся, оставив в душе только отчаяние, но тот вдруг вспыхнул снова и был слишком горячим и сильным, совершенно непропорциональным нанесенному оскорблению. Джо понятия не имел, почему он так себя ведет и почему самодовольная бесчувственность игроков так на него подействовала, однако еще прежде, чем он сумел осознать неадекватность своей реакции, он ударил мужчину о дверцу кабинки второй и третий раз.

Даже после этого гнев его не остыл; перед глазами продолжала плавать черно-багровая пелена бешенства, а в душе поднималась волна примитивной неистовой ярости, чем-то похожая на многотысячную стаю испуганных обезьян, которые с воплями несутся неведомо куда сквозь переплетение ветвей и лиан. Несмотря на это, рассудком Джо продолжал осознавать, что не контролирует себя и что еще немного – и он совершит убийство. Невероятным усилием воли он заставил себя разжать руки, и незадачливый игрок рухнул на заплесанный пол.

Дрожа от страха перед этим неконтролируемым бешенством, Джо сделал несколько шагов назад, пока не уперся спиной в рукомойник. Остальные посетители уборной, бывшие свидетелями его вспышки, осторожно пятились от него. Все молчали.

Лежащий мужчина сел на полу посреди рассыпавшихся однодолларовых и пятидолларовых банкнот, которые он успел выиграть. Его подбородок был в крови, продолжающей течь из растрескавшихся губ. Одну руку он прижимал к лицу – к той его стороне, которой он ударился о дверь.

– Это же был всего-навсего таракан... – пробормотал он. – Просто паршивый таракан...

Джо хотелось сказать, что ему очень жаль, но он не мог выговорить ни слова.

– Ты же чуть не сломал мне нос!.. – продолжал бормотать мужчина. – Ты мог сломать мне нос! Из-за таракана!

Джо стало невыразимо стыдно – стыдно не за то, что он сделал этому подонку, который, несомненно, поступал еще хуже с теми, кто был слабее его, а стыдно за себя и за то, что этим своим поступком он словно оскорбил память о Мишель и девочках. И все же, несмотря на это, он не мог найти в себе силы, чтобы извиниться. Похоже, он окончательно превратился в примитивный и к тому же сломанный механизм, который больше не может думать и способен только реагировать на внешние раздражители.

Чувствуя, что горло его стиснуло не то от раскаяния, не то от мерзких запахов, Джо вышел из вонючей уборной на улицу, где дул прохладный океанский бриз, но даже он не освежил его. Мир вокруг казался таким же грязным и отвратительным, как туалет, который он только что покинул.

Несмотря на жаркое солнце, Джо продолжал трястись – на этот раз от раскаяния, которое раскручивалось в его душе, как холодная стальная пружина.

На половине пути между уборной и тем местом, где он оставил полотенце и охладитель, Джо, почти не замечавший купальщиков, между которыми он машинально лавировал, вдруг вспомнил бледнолицего копа в красно-оранжевой гавайке. Но он не остановился и даже не стал оборачиваться, а продолжал брести к своему месту, равнодушно подкидывая мысками кроссовок белый песок. Вопрос о том, кто следит за ним – если это и вправду была слежка, – больше не занимал Джо. Он уже не понимал, почему это его вообще заинтересовало. Если двое в гавайках действительно были копами, то копами хреновыми, перепутавшими его с кем-то другим. Его это не касалось, он бы и вовсе не заметил наблюдателей, если бы подросток с конским хвостом не привлек к ним его внимания. Джо был совершенно уверен, что полицейские скоро поймут свою ошибку и отправятся на поиски настоящего подозреваемого. Пока же пусть смотрят. Ему было на них абсолютно наплевать.

На той части пляжа, где остановился Джо, народу стало гораздо больше, и он уже подумывал о том, чтобы собрать вещички и уйти, но это означало, что ему придется отправиться на кладбище, а он все еще не был к этому готов. После стычки в туалете в крови его бушевал настоящий адреналиновый шторм, который свел на нет успокаивающее воздействие приобая и двух выпитых жестянок пива.

Поэтому Джо снова опустился на полотенце и, запустив руку в охладитель, достал оттуда полукруглый кусок льда. Прижав его ко лбу, он снова повернулся к океану. Казалось, что под его серовато-зеленой поверхностью скрывается огромный отлаженный механизм, состоящий из бесчисленного количества вращающихся валов, передач и промасленных шестеренок. Серебристо-белые блики солнечного света пронизывали воду во всех направлениях, словно электрический ток, бегущий по проводникам и обмоткам мощной системы энергопитания. Волны подкатывались к берегу и отступали с монотонной размеренностью поршней паровой машины. Океан напоминал собой никогда не останавливающийся двигатель, не совершающий никакой работы и не имеющий никакой иной цели, кроме продления своего собственного

существования, воспетого поколениями поэтов и влюбленных, и не было ничего удивительного в том, что он веками оставался равнодушен и глух к человеческим горестям, слезам и надеждам.

Джо знал, что должен научиться безропотно принимать холодные законы Творения, поскольку в том, чтобы обижаться и роптать на бездушный механизм не было ни чести, ни особого смысла, – как бесполезно было сердиться на часы за то, что время проходит слишком быстро, или обвинять челнок в том, что он соткал ткань, из которой впоследствии был сшит колпак палача. Единственное, на что надеялся Джо, – это то, что если он сумеет смириться с механическим безразличием Вселенной, с бессмысленностью жизни и смерти, то сумеет обрести покой.

Разумеется, подобное смирение было слабым утешением – утешением, от которого мертвящий холод пробирал до самого сердца, – однако сейчас Джо хотелось только одного: положить конец непрекращающейся боли, избавиться от ночных кошмаров и освободиться от потребности любить тех, кого больше нет.

Внимание его тем временем привлекли два новых персонажа, которые расположились на белом пляжном покрывале футах в двадцати от него. Это были две девушки; рыжеволосая красotka в зеленом бикини на шнурках – достаточно откровенном, чтобы заставить покраснеть любого, кто нечасто бывает на стриптизе, и брюнетка, которая почти не уступала своей подруге. Рыжая носила короткую стрижку, длинные волосы брюнетки были распущены и густой волной падали на плечи, маскируя переговорное устройство, которое она носила в ухе.

На вид им было лет по двадцать с небольшим, и Джо невольно подумал, что ведут они себя, пожалуй, слишком непосредственно и оживленно, совсем по-девчоночьи, словно стараясь привлечь к себе как можно больше внимания, хотя взгляды мужчин и без того останавливались на их пышных формах до неприличия долго. Расположившись на покрывале, они не торопясь намазались лосьоном для загара, потом, действуя с показной кинематографической томностью, словно в начальных сценах видеофильма для взрослых, по очереди покрыли тем же средством спины друг другу, так что в конце концов взгляды всех гетеросексуальных особей мужского пола оказались устремлены на них одних.

Эта простенькая стратегия была совершенно ясна Джо. Никто бы не заподозрил в этих девицах оперативных сотрудников полиции, которым по определению полагалось держаться тише воды ниже травы и стараться привлекать к себе как можно меньше внимания. Если два копа в гавайках были единственной парочкой на пляже, которая походила на переодетых копов, то рыжая и брюнетка определенно были вне подозрений. И уловка эта, несомненно, удалась бы, если бы не тридцатка, перекочевавшая из бумажника Джо в карман сексуально озабоченного подростка.

Возможно, впрочем, что их длинные загорелые ноги, глубокие тени между почти голыми грудями и округлые соблазнительные зады были предназначены для того, чтобы зачаровать объект наблюдения и спровоцировать его на знакомство с их обладательницами. Джо не исключал и этой возможности, однако, даже если такова была их задача, тут копы просчитались. Их чары на него просто не действовали.

За последний год эротические мысли и образы если и возбуждали Джо, то очень слабо и ненадолго. Каждый раз, когда это случалось, он сразу вспоминал Мишель, ее возлюбленное тело и ее всепоглощающее стремление получить и дать высшее наслаждение. Потом его мысли естественным образом перескакивали на полупереживание-полувоспоминание о бесконечно долгом падении самолета в пропасть, начинавшуюся от самых звезд и заканчивающуюся на земле Колорадо; Джо снова чувствовал запах дыма, жар огня, и любое сексуальное влечение мгновенно растворялось в едкой горечи потери.

Две красотки по соседству вызывали в Джо лишь тупое раздражение своей некомпетентностью. Он уже готов был подойти к ним, предъявить водительскую лицензию и указать им

на совершенную ошибку просто для того, чтобы избавить себя от их назойливого внимания, однако после происшествия в туалете Джо чувствовал себя несколько неуверенно. Гнев его погас, однако он все еще не доверял своей способности держать себя в узде.

Прибой по-прежнему разбивался о песок, захватывал пенные останки погибших здесь предыдущих волн, отступал крадучись и снова накатывал на берег. Джо смотрел на этот вечно повторяющийся процесс с бесконечным упорством и терпением и постепенно начал успокаиваться снова.

Неужели прошел ровно год? Неужели у него не осталось ничего, кроме воспоминаний и дорогих могил? Неужели он сумеет пережить все это?

Через полчаса, даже не прибегая к помощи оставшегося пива, он почувствовал себя готовым к визиту на кладбище.

Страхнув песок с полотенца, он сложил его пополам, скатал и подхватил на плечо охладитель.

Его сексапильные соседки, чья кожа казалась нежной и шелковистой, как океанский бриз, и маслянисто-желтой, как солнечный свет, притворились, будто целиком поглощены односложными замечаниями, которые отпускали два накачанных стероидами пляжных Казановы, дождавшиеся своей очереди, чтобы попытаться счастья.

Пользуясь тем, что солнцезащитные очки скрывают его глаза, Джо время от времени поглядывал в сторону соседок и хорошо видел, что их интерес к этим двум пережаренным бифштексам был напускным. Девицы не догадались запастись темными очками и, болтая, хохоча более или менее впопад, время от времени исподтишка посматривали в его сторону.

Не оборачиваясь, Джо зашагал прочь.

В кроссовках он уносил солидную часть пляжа, и ему оставалось надеяться, что холодное спокойствие океана тоже сохранится в его сердце достаточно долго.

Несмотря на свою сосредоточенную решимость сделать наконец то, ради чего он сюда приехал, Джо не мог не задуматься о том, какое полицейское агентство заполучило в свои ряды таких ослепительных красоток. По роду его журналистской работы ему приходилось сталкиваться с женщинами-полицейскими, которые были по меньшей мере так же привлекательны и сексуальны, как самые известные кинознаменитости, однако рыжая в бикини и ее черноволосая подруга превосходили любые голливудские стандарты.

Оказавшись на стоянке, Джо огляделся по сторонам. Он был почти готов увидеть здесь мужчин-полицейских в гавайских рубашках, наблюдающих за его «хондой», однако ничего подозрительного он так и не заметил. Если копы и засекли его машину, то на этот раз их наблюдательный пункт был замаскирован достаточно умело.

Выехав со стоянки, Джо повернул направо, на шоссе Пасифик-Кост. Время от времени он поглядывал в зеркало заднего вида, но его никто не преследовал. Наверное, копы все же поняли, что обознались, и теперь с лихорадочной поспешностью разыскивали нужного человека.

Доехав по бульвару Уилшир и автостраде Сан-Диего до шоссе Вентура, Джо свернул на восток и, окончательно расставшись с прохладой побережья и свежестью океанских ветров, очутился в адской топке долины Сан-Фернандо. В августовском знойном мареве эти лос-анджелесские пригороды напоминали черепки глиняной посуды, не выдержавшей жара печи.

Мемориальный парк занимал три тысячи акров низких пологих холмов, неглубоких долин и широких лужаек. Это был своего рода Лос-Анджелес мертвых, разделенный на кварталы прихотливо изгибающимися дорожками. Здесь покоились бок о бок знаменитые актеры и простые торговцы, рок-звезды и жены простых репортеров, чья смерть уравнила в правах.

Направляясь к известному ему месту, Джо проехал мимо двух похоронных процессий. На обочинах и площадках были припаркованы несколько машин, на траве стояли складные

кресла, груды свежерытой земли были заботливо прикрыты зеленым брезентом. Собравшиеся сидели неподвижно, сгорбившись в своих черных траурных костюмах и платьях, подавленные не то горем, не то убийственной жарой, а может быть, и мыслями о бренности своего собственного существования.

Потом на глаза Джо попало несколько резных каменных склепов и семейных могил, огороженных невысоким заборчиком и засаженных цветами или цветущими кустарниками, но, к счастью, здесь не было леса вертикальных каменных надгробий и памятников. Многие предпочитали хоронить своих родственников в нишах колумбария; другие, решив доверить лону земли самое дорогое, ограничивались небольшими бронзовыми табличками на лежащих плашмя гранитных или мраморных плитах, благодаря чему кладбище действительно походило на спокойный и тихий парк.

Джо похоронил Мишель и девочек на склоне небольшого холма, поросшего каменными соснами и индейской вишней. В дни, когда погода была не такой жаркой, рощица кишела белками, которые, нисколько не боясь людей, прыгали прямо по дорожкам, выпрашивая подачку, а ближе к сумеркам попасть на траве выползали из нор кролики, и Джо был уверен, что три его самые любимые женщины предпочли бы именно такое окружение холоду чопорного каменного мавзолея, где не были слышны ни песня ветра, ни шепот древесных крон над головой.

Миновав вторую похоронную процессию, Джо припарковал «хонду» на специальной площадке, заглушил двигатель и выбрался наружу. Некоторое время он стоял на стоградусной² жаре и собирался с силами.

Поднимаясь вверх по пологому склону холма, Джо избегал смотреть на могилы. Он знал, что стоит ему увидеть их издали, и подойти к ним будет намного труднее. Может быть, ему просто не хватит мужества, он повернет назад. Несмотря на то что со дня гибели Мишель и девочек прошел целый год, боль не притупилась, и каждый визит на кладбище давался ему огромным напряжением силы воли, как будто он ехал взглянуть не на ухоженные могилы на зеленой лужайке, а на истерзанные останки, разложенные в морге сразу на нескольких холодных стальных столах.

Так, гадая, сколько лет должно пройти, прежде чем он перестанет воспринимать свою потерю с такой остротой, Джо брел по тропинке, низко опустив голову и равнодушно глядя себе под ноги, словно старая рабочая лошадь, которая не торопясь шагает домой по хорошо знакомой колее. Жара была совершенно невыносимой, и он машинально приподнимал плечи, хотя это вряд ли могло чем-то ему помочь.

Именно поэтому он увидел стоящую у могил женщину только тогда, когда до нее осталось не больше десяти или пятнадцати футов. Удивленный, Джо остановился.

Женщина стояла в тени сосен вполоборота к нему. В руках она держала фотоаппарат, с помощью которого снимала гранитные надгробия.

– Кто вы такая? – хрипло спросил Джо.

Женщина не ответила – быть может, потому, что Джо говорил совсем тихо, а может, потому, что она была слишком поглощена процессом фотосъемки.

– Что вы здесь делаете? – спросил Джо чуть громче и сделал шаг вперед.

Вздвигнув, женщина повернулась к нему.

Незнакомка была совсем миниатюрной, не больше пяти футов и двух дюймов ростом, гармонично и пропорционально сложенной, однако впечатление, которое она производила, было гораздо более сильным, чем можно было ожидать при такой внешности и таких размерах. В первое же мгновение Джо показалось, будто эта женщина одета не в голубые джинсы и простую блузку из желтой хлопчатобумажной материи, а в какое-то мощное магнитное поле, которое заставляет весь мир тянуться к ней.

² 100° по принятой в США шкале Фаренгейта равняются примерно 38° по шкале Цельсия.

Кожа ее была цвета молочного шоколада; огромные глаза цвета крепкого кофе казались очень выразительными, но прочесть в них что-либо было не легче, чем отгадать, что предсказывают чайные листья³, а их миндалевидная форма ясно указывала на примесь азиатской крови. Волосы женщины не были курчавыми, как у африканки, и она не заплетала их в косички; они были удивительно густыми и прямыми. Их иссиня-черный цвет тоже указывал на восточное происхождение, однако черты лица – выпуклый широкий лоб, большие губы и высокие скулы, тонко очерченные, но мощные, гордые, но прекрасные, – были типично негроидными. Она была лет на пять старше Джо, но выглядела моложе благодаря удивительным чертам лица, указывающим на волевою, но ранимую натуру, и замечательным глазам, в которых светились одновременно и ум, и невинность.

– Что вам здесь нужно? – снова спросил Джо.

Женщина чуть-чуть приоткрыла рот, словно собираясь заговорить, но, очевидно от удивления, так и не смогла произнести ни слова. Наконец она подняла руку и легко коснулась щеки Джо, и он даже не попытался уклониться. На мгновение ему почудилось в ее глазах крайнее удивление, однако мягкость и нежность прикосновения помогли ему понять, что это было выражение жалости и боли.

– Я еще не готова говорить с тобой, – произнесла женщина негромким музыкальным голосом.

– Но зачем вы фотографируете их могилы? Для чего?

Сжимая фотоаппарат обеими руками, женщина покачала головой:

– Не сейчас. Скоро. Я вернусь, когда придет время. Не отчаивайся, ты увидишь... как и другие.

В этих ее словах было что-то мистическое, и Джо почти поверил, что эта женщина ему пригрезилась. Даже в том, как нежно она прикоснулась к его щеке, было что-то ирреальное, как будто незнакомка была не из плоти и крови, а соткана из эфирных материй. Ласка духа, прикосновение привидения...

Вместе с тем Джо чувствовал, ощущал присутствие женщины настолько отчетливо и ясно, что у него не возникло никаких сомнений в ее реальности. Он знал, что перед ним не дух и не галлюцинация, вызванная солнечным ударом. Несмотря на свою миниатюрность, женщина буквально лучилась энергией и казалась куда более реальной, чем все окружающее. Гораздо более реальной, чем деревья, небо, палящее солнце, гранит и бронза памятников. В ней было столько жизни и воли, что Джо даже показалось, что незнакомка надвигается на него, хотя она стояла на месте; что она нависает над ним, хотя он был выше ее на целых десять дюймов. Когда он ее увидел, женщина была скрыта в тени сосен, но Джо казалось, что она освещена лучше, чем он, стоящий на самом солнцепеке.

– Как ты живешь? – тихо спросила она.

Джо был сбит с толку этим интимным вопросом незнакомки и только покачал головой.

– Я вижу, – прошептала женщина.

Джо отвел взгляд и посмотрел мимо нее на гранитное надгробие.

– Потеряны навсегда... – услышал Джо свой собственный голос, донесшийся словно издалека. Мимолетно он подумал о том, что имеет в виду не только свою жену и дочерей, но и себя самого.

Когда Джо снова повернулся к женщине, он увидел, что она больше не смотрит на него. Ее напряженный взгляд был устремлен куда-то ему за спину, и, когда через несколько мгновений оба услышали надрывное пение мотора, в глазах женщины появилась тень тревоги и озабоченности, а лоб пересекла глубокая морщина.

³ Гадание на чайных листьях – принятый в Китае способ узнать судьбу.

Повернувшись в ту же сторону, Джо увидел, что по дороге, по которой он приехал сюда, мчится белый фордовский фургон – мчится со скоростью гораздо большей, чем было разрешено на кладбище.

– Сволочи! – с чувством сказала женщина.

Джо повернулся к ней и увидел, что странная незнакомка уже бежит прочь – наискосок по склону холма, – направляясь к его заросшему деревьями и кустарниками гребню.

– Эй, подождите!... – крикнул Джо.

Но женщина не остановилась. Она даже не обернулась.

Тогда Джо побежал следом, но его физическая форма не была и вполтину такой хорошей, как у нее. Бегать, во всяком случае, она умела, и Джо остановился, пробежав всего несколько шагов. Он задыхался. По такой жаре гоняться за кем-либо было больше чем бесполезно. Убийственно.

Пока Джо соображал, почему это последнее слово вдруг пришло ему на ум, белый фургон на огромной скорости промчался мимо него. Солнце, ярко сверкавшее на его лобовом стекле и отражавшееся от хромированных ободков фар и радиаторной решетки, ослепило его настолько, что он не сумел рассмотреть водителя. Теперь машина двигалась параллельно женщине, которая продолжала бежать вдоль ряда могил.

Джо повернулся и стал спускаться с холма к своей машине. Он понятия не имел, как ему поступить. Может, ему все же следует присоединиться к погоне? А может, он должен следить за белым фургоном? Что, черт возьми, здесь вообще происходит?

На расстоянии пятидесяти-шестидесяти ярдов от его «хонды» белый фургон резко затормозил. Визжащие покрышки прочертили по дорожке черные дымящиеся полосы, обе передние дверцы разом распахнулись, и из фургона выскочили уже знакомые Джо копы в ярких гавайских рубашках. Не тратя времени даром, оба побежали за женщиной.

От удивления Джо встал как вкопанный. На пути от Санта-Моники его никто не преследовал. Во всяком случае, никаких белых фургонов он не видел. В этом он был совершенно уверен.

Значит, копы знали, что он поедет на кладбище.

И поскольку никто из них не проявил к нему никакого интереса, следовательно, они следили за ним на пляже только потому, что надеялись, что он так или иначе выведет их к женщине, за которой они и гнались теперь с ретивостью гончих.

Его скромная персона полицию не интересовала. Женщина – вот за кем они охотились.

Черт побери! Они, должно быть, следили и за его квартирой тоже и сопровождали его до самого пляжа!

Из этого следовало, что наблюдение за ним было установлено несколько дней – или даже недель – назад, а он этого даже не заметил. Впрочем, отчаяние владело Джо настолько полно, что он жил как во сне и не обращал почти никакого внимания на окружающее. Немудрено, что он не заметил соглядатаев.

«Кто эта женщина? – подумал он. – Почему она фотографировала могилы? Почему полиция преследует ее?»

Женщина бежала уже почти по самому гребню холма, среди стволов каменных сосен, росших по краю участка. Сосны отбрасывали на траву густую тень, которую почти не рассеивали редкие пятна солнечного света, и если бы не яркая желтая блузка, то темнокожая женщина почти сливалась бы с этим мягким полумраком.

Джо сразу заметил, что ее бег был целенаправленным; можно было подумать, что женщина хорошо знает местность и теперь стремится к какому-то хорошо ей известному пункту. Почему-то ему казалось, что за холмом нет никакой машины, а это значило, что странная незнакомка, скорее всего, пришла сюда пешком.

Теперь он видел, что женщина, с самого начала имевшая хорошую фору, вот-вот скроется в зарослях на гребне, и перед копами из фургона стояла нелегкая задача, если они не хотели упустить свою добычу. Высокий полицейский в зеленой рубашке был, похоже, в гораздо лучшей форме, чем его напарник, а может быть, просто его шаг был значительно шире шага женщины – как бы там ни было, он понемногу нагонял беглянку. Маленький полицейский сильно отстал, но тоже не сдавался. Джо видел, как он споткнулся сначала об одну, потом о другую гранитную плиту, но, чудом удержавшись на ногах, снова помчался вверх по склону, словно шакал, который, следуя за охотящимся тигром, прилагает отчаянные усилия, чтобы не опоздать и быть на месте, когда жертва будет схвачена и опрокинута на землю.

Джо знал, что за этим причесанным и приглаженным кладбищенским холмом лежат другие, еще не освоенные и не окультуренные, пребывающие в почти первобытном, диком состоянии. Их песчаная почва с вкрапленными в нее мощными глинистыми пластами густо поросла горькой полынью, мескитом, травой-вонючкой, толокнянкой и карликовым дубом, чьи скрюченные перепутанные ветви стелились почти по самой земле. Сухие овраги и промоины, изрезавшие склоны холмов, тянулись на сотни ярдов и вели на расположенную почти в самом центре городской зоны территорию Гриффитской обсерватории, примыкавшую к лос-анджелесскому зоопарку и представлявшую собой поросший чахлым кустарником обширный участок земли, где во множестве водились гремучие змеи.

Если женщина успеет добежать до холмов прежде, чем ее настигнут, то, петляя между кустарниками и скрываясь в узких глубоких овражках, она сумеет оторваться от преследователей и спастись.

Джо повернулся и зашагал к белому фордовскому фургону. Машина казалась покинутой, но он был уверен, что, осмотрев ее, сумеет кое-что узнать.

Почему-то Джо хотелось, чтобы женщина спаслась, хотя он не мог бы толком объяснить, почему его симпатии вдруг оказались на ее стороне. Насколько он понимал, эта женщина, скорее всего, была опасной преступницей, однако она не была похожа ни на грабителя, ни на мошенницу, да и ее манера говорить располагала к доверию. Джо даже пришлось напомнить себе, что он живет не где-нибудь, а в Лос-Анджелесе, где аккуратные, благополучные подростки из хороших семей расстреливают своих родственников из дробовиков, а оказавшись на скамье подсудимых, льют крокодиловы слезы и умоляют судей проявить милосердие и пожалеть над круглым сиротой. Никто никогда не был на самом деле тем, кем казался, никому нельзя было верить на слово.

И все же... Мягкость ее пальцев, прикоснувшихся к его щеке, словно ласковый ветерок, печаль в глазах и сочувствие в голосе производили впечатление неподдельной искренности. Незнакомка казалась Джо способной к сопереживанию вне зависимости от того, были у нее трения с законом или нет. Он просто не мог желать ей зла.

Громкий хлопок, резкий и неожиданный, эхом разнесся над кладбищем, разорвав сонную тишину и оставив в ней пульсирующую рану. За первым хлопком тут же последовал второй.

Джо обернулся. Женщина была уже на гребне холма; ее силуэт четко выделялся на фоне неба в проеме между двумя ошестинившимися соснами. Синие джинсы, развевающаяся на бегу желтая блузка, длинный летящий шаг. Согнутые в локтях обнаженные коричневые руки прижаты к бокам и ритмично движутся в такт ровному дыханию.

Взгляд Джо опустился ниже по холму. Низенький полицейский в красно-оранжевой гавайке свернул в сторону, так что теперь спина его напарника не загораживала беглянку. Джо увидел, что коп остановился и поднял обе руки с зажатым в них пистолетом. Проклятый сукин сын стрелял вдогонку женщине.

Джо знал, что полицейские – настоящие полицейские – никогда не стреляют в спину безоружным преступникам, даже если последние спасаются бегством.

Ему захотелось помочь женщине, но он ничего не мог придумать. Если два типа в гавай-ках были полицейскими, то он не имел права вмешиваться. Если же они были не из полиции, тогда Джо сам рисковал быть убитым. Эти люди скорее застрелят его, чем позволят ему помочь той, на кого они охотятся.

Трах-бабах!

Женщина перевалила через гребень, но была все еще видна.

– Скорее! – хрипло прошептал Джо. – Скорее!!!

У него в машине не было телефона, поэтому он не мог позвонить в службу спасения. Пока Джо работал репортером, он постоянно возил с собой сотовый телефон, однако теперь необходимость в этом отпала. Он редко кому звонил даже со своего домашнего аппарата.

Тяжелый как свинец воздух снова заколыхался при звуке очередного выстрела.

Если эти двое не были полицейскими, рассудил Джо, значит они либо сошли с ума, либо находились в крайнем отчаянии, если решились прибегнуть к оружию в общественном месте – даже несмотря на то, что в настоящий момент в этой части кладбища почти никого не было. Он был уверен, что звук выстрелов непременно привлечет внимание служащих парка, которые могли просто закрыть массивные входные ворота и помешать стрелкам покинуть территорию кладбища.

Женщина, живая и невредимая, скрылась за гребнем холма. Двое мужчин в гавайских рубашках устремились за ней.

4

Сердце Джо билось так сильно, что от прилива крови окружающее начинало двоиться перед глазами, но он продолжал бежать к белому фургону.

Фордовский фургон не имел окон в грузовом отсеке и принадлежал к тому типу машин, которые используются для доставки товара в домашних прачечных и мини-пекарнях, хотя ни на боках, ни на задней его дверце не было никаких эмблем или надписей.

Двигатель продолжал негромко урчать на холостых оборотах, а обе передние дверцы так и стояли распахнутыми настежь.

Едва не упав на мокрой траве возле разбрызгивателя оросительной системы, из которого понемногу сочилась ржавая вода, Джо подскочил к пассажирской дверце и засунул верхнюю часть туловища в кабину, надеясь найти сотовый телефон, но телефона, к несчастью, в кабине не было, во всяком случае на виду.

«Может быть, он в каком-нибудь ящике?» – подумал Джо, открывая крышку на панели.

– Эй, вы поймали Розу? – донесся из грузового отсека глухой мужской голос. Очевидно, в машине оставался еще один человек, который принял Джо за кого-то из своих товарищей.

Проклятье!

В бардачке оказалось лишь несколько свернутых бинтов, которые тут же упали на пол, и конверт из плотной бумаги с прозрачным окошком и штампом Департамента автотранспорта.

Джо знал, что в нем лежит. По законам штата Калифорния каждый автомобилист обязан был всегда иметь при себе свидетельство о регистрации транспортного средства и страховые документы на машину.

– Эй, кто ты такой? Что тебе здесь надо?! – грозно окликнул его мужчина из грузового отсека.

Схватив конверт, Джо отпрыгнул с добычей от фургона.

Он решил, что спасаться бегством слишком рискованно. Человек в фургоне пристрелил бы его без колебаний.

Загремел замок, взвизгнули петли, и задняя дверь фургона резко распахнулась.

Джо бросился на звук. Из-за фургона навстречу ему вышел настоящий громила с квадратной челюстью, толстыми, как у Папая⁴, предплечьями и бычьей шеей, и Джо решил напасть первым в надежде, что беспричинная и неспровоцированная агрессия поможет ему заставить гиганта врасплох. Не тратя времени на разговоры, он с силой двинул противника коленом в пах.

Мужчина сдавленно хрюкнул и, схватившись руками за низ живота, начал заваливаться вперед, но Джо успел ударить его головой в лицо. Громила упал на землю уже без сознания, громко, со всхлипом дыша широко разинутым ртом, поскольку из его сломанного носа обильно текла кровь.

В детстве Джо не был пай-мальчиком; он часто дрался со сверстниками, однако с тех пор, как они с Мишель познакомились и поженились, он ни разу не поднял руку на человека. До сегодняшнего дня. За последние два с небольшим часа он уже дважды прибегал к грубой силе, и это обстоятельство неприятно удивило его.

Кроме удивления, Джо чувствовал почти непреодолимое отвращение к себе и своему примитивному, неконтролируемому гневу. Ничего подобного с ним не случалось даже в ранней юности, прошедшей достаточно бурно и беспокойно, однако факт оставался фактом: он снова прилагал огромные усилия, чтобы справиться с собой, хотя со времени инцидента в общественной уборной на пляже прошло совсем немного времени. Катастрофа рейса 353 наполнила его унынием и горечью, но Джо начинал серьезно подозревать, что эти два чувства лежали на поверхности, как масло или нефть на воде, скрывая какое-то иное, гораздо более темное и мрачное чувство, в существовании которого он не осмеливался себе признаться и которое периодически заставляло его душу переполняться гневом и ненавистью.

Если Вселенная была просто равнодушным и холодным механизмом, а жизнь – бессмысленным путешествием от одной черной пустоты к другой, то Джо не мог обвинить в своих несчастьях даже Бога, потому что сетовать на Него было бы так же бессмысленно, как пытаться дышать под водой или звать на помощь в пустоте космоса. Но лишь только у него появился предлог сорваться и выместить свое зло и разочарование на людях, как он немедленно им воспользовался. По зрелом размышлении это был достаточно тревожный симптом.

Потирая лоб, слегка гудящий от удара, Джо поглядел на распростертое в траве тело, на разбитый нос врага и почувствовал удовлетворение, которого он не хотел и не искал. Охватившая его мрачная безумная радость пугала Джо, но вместе с тем он ощущал небывалый душевный подъем и стремление действовать, чего с ним уже давно не случалось.

Здоровяк, которого он нокаутировал не совсем честным приемом, был одет в майку с логотипом видеоигры «Квейк», мешковатые черные джинсы и красные туфли без каблука. На вид ему было лет двадцать шесть – двадцать восемь, то есть он был примерно на десяток лет моложе своих партнеров, в настоящее время исполнявших роль охотничьих собак. Его массивные руки были такими сильными, а ладони такими широкими, что он, наверное, мог бы без усилий жонглировать тыквами. На обеих кистях у основания каждого пальца – за исключением больших – были вытатуированы буквы, которые вместе составляли слово «АНАБОЛИК».

Судя по всему, громила был не чужд насилия, и если бы Джо не прибег к своей тактике неожиданного нападения, то сейчас именно он лежал бы под колесами фургона с расплюснутым носом, а то и с пробитой головой. Нанеся свой упреждающий удар, Джо ни на йоту не превысил пределов необходимой самообороны, однако его по-прежнему беспокоила свирепая, первобытная радость, которую он при этом испытал.

Потом Джо подумал, что мужчина, которого он так удачно уложил, даже отдаленно не напоминал служителя закона. Конечно, несмотря на свою внешность, он все-таки мог оказаться копом, и нападение на него могло повлечь за собой самые серьезные последствия, но даже пер-

⁴ *Моряк Папай* – персонаж популярного мультсериала.

спектива попасть в тюрьму за нападение на полицейского нисколько не уменьшила странной радости Джо по поводу жестокости собственного поступка. Правда, он продолжал ощущать легкую тошноту, да и мысль о том, что он повел себя так, словно на время потерял рассудок, была не из приятных, но, с другой стороны, за прошедший год это был первый случай, когда Джо почувствовал нечто вроде пробуждающегося интереса к жизни.

Быстро оглядевшись по сторонам и не увидев поблизости ничего подозрительного, он опустился на колени возле своей жертвы, все еще опасаясь той бездны, в которую подталкивали его неожиданно пробудившиеся в нем ярость и гнев.

Дыхание вырывалось из горла громилы с мокрым, хрипящим звуком. Дважды он негромко, совсем по-детски вздохнул. Потом веки его затрепетали, но он так и не пришел в себя, пока Джо, торопясь, обшаривал его карманы.

Он не нашел ничего, что представляло бы для него интерес или помогло разобраться в том, что происходило на кладбище буквально на его глазах. Несколько монет, складные щипчики для ногтей, стандартное удостоверение личности на имя Уоллеса Мортон Блика, пара кредитных карточек – вот и все, что Джо обнаружил в бумажнике громилы. Ни полицейского значка, ни служебного удостоверения у него не было. Джо оставил при себе только водительскую лицензию, а все остальное убрал обратно в бумажник и засунул его в задний карман черных джинсов Уоллеса.

Двое стрелков в гавайках еще не появились – очевидно, преследуя женщину, они зашли слишком далеко в холмы, – и Джо решил этим воспользоваться. Схватив бесчувственное тело за ноги, он оттащил его за фургон, где оно было не так заметно, и положил на бок, чтобы мистер Уоллес Мортон Блик ненароком не захлебнулся кровью, сочившейся из его сломанного носа.

Потом Джо вернулся к задней дверце фургона и без колебаний поднялся в грузовой отсек. Двигатель продолжал работать, и металлический пол под его ногами неприятно вибрировал, но Джо тут же забыл об этом. Кузов фургона был забит сложнейшим оборудованием для спутниковой связи, подслушивающей аппаратурой и устройствами для электронного сопровождения объектов. К полу было привинчено два компактных кресла, которые могли поворачиваться в любую сторону, обеспечивая операторам доступ к любому рабочему модулю. Протиснувшись мимо первого из них, Джо опустился на мягкое сиденье одного из кресел и повернулся к экрану работающего компьютера. Несмотря на включенную систему кондиционирования, сиденье все еще было теплым, поскольку Уоллес Блик покинул его всего минуту или две тому назад.

На экране компьютера была изображена паутина улиц, и каждая имела название, призванное вселять ощущение мира и покоя. Джо потребовалось всего несколько секунд, чтобы понять, что перед ним подробная карта мемориального парка с его стоянками и служебными дорожками.

Потом его внимание привлекла зеленая мигающая точка. Она не двигалась, и по ее расположению Джо понял, что это, скорее всего, сам фургон. Вторая точка, тоже неподвижная, но иного, красного цвета, находилась на месте ближайшей автостоянки на некотором расстоянии от фургона. Джо не сомневался, что она означает местоположение его «хонды».

Система электронного слежения, несомненно, включала в себя лазерный диск с подробнейшей картой Лос-Анджелеса и его окрестностей, а возможно – всего штата Калифорния или даже всей страны, от побережья до побережья. Одного компакт-диска было достаточно, чтобы на нем можно было хранить подробные планы всех городов во всех штатах США и в провинциях Канады.

Значит, догадался Джо, кто-то спрятал в его машине мощный радиомаяк, испускающий сигнал, который можно принимать даже через спутник. Следящая вычислительная машина преобразовывала этот сигнал, определяла при помощи метода триангуляции местоположение «хонды» относительно фургона и выводила информацию на экран компьютера. Таким обра-

зом люди в фургоне могли следить за его перемещениями, даже не приближаясь к «хонде» на расстояние прямой видимости.

На пути от Санта-Моники до долины Сан-Фернандо Джо все время посматривал в зеркало заднего вида, но так и не заметил ни одной машины, которая вызвала бы его подозрение. Теперь загадка разрешилась; фургон мог следовать за ним, держась на расстоянии нескольких миль, а оторваться от него было практически невозможно.

В бытность свою репортером отдела уголовной хроники Джо однажды выезжал на задание с лихими сотрудниками федеральной криминалистической лаборатории, которые использовали схожее, но все же не такое совершенное оборудование.

Подумав о том, что либо Уоллес Блик, либо его напарники могут застать его здесь, если он задержится в фургоне слишком долго, Джо повернулся вместе с креслом, выискивая хоть какие-то признаки, которые помогли бы ему разобраться, с каким правоохранительным органом он имеет дело на этот раз, однако Блик и иже с ним оказались весьма аккуратными сотрудниками. Джо не заметил ничего, что помогло бы ему в решении этой загадки.

Единственным, что бросилось ему в глаза, были два выпуска «Уайред», лежавшие возле компьютера, за которым работал Блик. Одна газета была сложена так, чтобы удобнее было читать очередную статью, до небес превозносящую великого Билли Гейтса. Вторая была раскрыта на вкладыше, предназначавшемся для офицеров войск спецназначения, которые хотели бы оставить государственную службу и стать наемниками. Вкладыш рассказывал о новейших кинжалах и ножах, способных рассекать даже кости. Одним движением такого клинка противника можно было выпотрошить, как рыбу. Судя по всему, именно за чтением подобного рода Блик коротал время в те периоды, когда ему нечего было делать, например ожидая, пока Джо надоеет пялиться на набегающие на берег волны прибоя.

Похоже, татуированный мистер Уоллес Блик был не простым техником при компьютере. Даже если ножи были его хобби, то оно очень ему подходило.

Когда Джо выбрался из фургона, Блик громко застонал, но, к счастью, так и не пришел в себя. Ноги его несколько раз судорожно дернулись, как у собаки, которой снится охота на кроликов, и красные стильные туфли без каблука вырвали из земли несколько пучков травы.

Мужчин в гавайках по-прежнему не было видно. Кроме того, Джо был почти уверен, что он больше не слышал выстрелов, хотя холмы могли и заглушить пальбу.

Поминутно оглядываясь, он поспешил к своей «хонде». Хромированная ручка двери ярко сверкала на солнце, и, дотронувшись до нее, Джо обжегся, зашипев от боли.

В салоне было так жарко, что казалось, еще немного – и обивка кресел начнет обугливаться и дымиться. Джо поспешил опустить стекло водительской дверцы, но это вряд ли могло помочь ему.

Запустив двигатель «хонды», он бросил взгляд в зеркало заднего вида и увидел неуклюжий колесный трактор, который тащил за собой бортовой прицеп. Трактор медленно приближался с восточной оконечности кладбища, и Джо решил, что он принадлежит парковому хозяйству. Он, однако, не мог сказать, услышал ли тракторист стрельбу или просто был занят рутинными работами по благоустройству территории.

Джо вырулил на дорожку. Он мог бы поехать дальше на запад и, добравшись до границы парка, вернуться к воротам, двигаясь вдоль его периметра, но решил возвращаться тем же путем, каким он сюда приехал. Почему-то Джо казалось, что он оставался в фургоне непозволительно долго, и теперь в ушах его явственно раздавалось как будто тиканье часового механизма бомбы, отмеряющего оставшиеся до взрыва секунды. Дорожка, однако, оказалась достаточно узкой, и развернуться за один прием ему не удалось.

Переключив передачу на задний ход, Джо с силой нажал на акселератор и услышал визг покрышек по нагретому асфальту. «Хонда» резво прыгнула назад, Джо затормозил и снова переключил автоматическую коробку передач на повышение.

Тик-так, тик-так...

Интуиция его не подвела. «Хонда» только начала набирать скорость, поворачивая навстречу медленно движущемуся трактору, как стекло левой задней дверцы рядом с головой Джо разлетелось вдребезги и осколки посыпались на сиденье.

Выстрела Джо не услышал, но сразу понял, что случилось. Бросив взгляд налево, он увидел на склоне холма псевдополицейского в яркой красно-оранжевой рубашке. Он был бледен, как труп, пролежавший несколько дней в холодильнике морга, но в стрелковой стойке стоял уверенно.

Сзади раздавались невнятные, приглушенные расстоянием проклятия, и Джо сообразил, что Блик наконец-то пришел в себя. В зеркале заднего вида он смог рассмотреть, что громила на четвереньках отполз от фургона и, трясая своей квадратной головой, как раненый бультерьер после схватки, изрыгает одно за другим страшные ругательства в его адрес. На губах Блика выступила кровавая пена.

Еще одна пуля с тупым стуком пробила корпус машины, и в багажнике что-то жалобно звякнуло.

Под рев мотора и завывания горячего ветра, который врвался в салон сквозь опущенное стекло водительской дверцы, вырываясь через разбитое заднее стекло, «хонда» мчалась к воротам кладбища, вывозя Джо из-под обстрела. Скорость ее была так высока, что трактор с прицепом поспешно отвернул в сторону при ее приближении, хотя места для того, чтобы благополучно разъехаться, было больше чем достаточно.

По пути к выходу Джо пронесся мимо двух свежих могил. От одной из них медленно, словно безутешные души, уже расходились скорбящие родственники; возле другой одетые в черное люди все еще сидели на своих складных стульчиках, и их неестественная неподвижность наводила на мысли о том, что они, возможно, решили навсегда пребывать с тем, кого любили. Впрочем, и эта картина быстро осталась позади, и Джо увидел семью вьетнамцев, устанавливавших на свежем холмике земли поднос со свежими фруктами и с домашней выпечкой. Потом за окном «хонды» промелькнула необычная белая часовня со шпилем поверх палладианской⁵ арки, образованной белыми прямыми колоннами, которые, в свою очередь, опирались на плоскую крышу стилизованной сторожевой башни. Солнце уже склонялось к закату, и в его косых лучах это архитектурное сооружение отбрасывало на дорожку такую странную тень, что, когда Джо пересекал ее, у него на мгновение похолодело в груди. Машинально он рванул руль, машина вильнула, и Джо увидел на взгорке кладбищенский морг, выстроенный в южном колониальном стиле. Его белые, гладкие, недавно оштукатуренные стены ослепительно сверкали под солнцем, но Джо – без всякой связи с происходящим – неожиданно подумал, что эта усадьба выглядела бы гораздо уместнее где-нибудь среди тропических флоридских болот, а не среди засушливых холмов в Южной Калифорнии.

Потом ему снова стало не до размышлений. Позабыв об осторожности, Джо гнал во весь дух, опасаясь погони, но погони не было. Еще он боялся, что выезд с кладбища будет заблокирован несколькими полицейскими патрульными машинами, однако, когда он пересекал ворота, ни одного полицейского автомобиля не было ни видно, ни слышно.

Проехав под эстакадой, по которой проходило шоссе Вентура, Джо оказался в густонаселенной части долины Сан-Фернандо. В этом людском муравейнике легко было затеряться.

⁵ *Палладианство* – направление в европейской архитектуре; создано итальянским архитектором А. Палладио на основе античных и ренессансных традиций.

Остановившись на красный сигнал светофора, он, однако, все еще дрожал от напряжения и пережитого страха, машинально глядя на вереницу механических динозавров, которых вывели на субботнюю прогулку члены местного клуба любителей редких и старинных автомобилей. Здесь были превосходно сохранившийся «бьюик-рудмастер» 1941 года, «форд-спортсмен-вуди» 1947 года с отделкой из светлого клена, выгодно выделявшегося на темно-вишневом лаке, и даже «форд-родстер» 1932 года, оформленный в стиле ар-деко⁶, с обтекаемыми крыльями и хромированными декоративными накладками на кузове, подчеркивающими скоростные качества машины ветерана. Словом, каждая из дюжины машин являлась неопровержимым свидетельством того, что автомобилестроение – тоже разновидность искусства. Затейливые решетки радиаторов, начищенные медные клаксоны, приподнятые на стойках фары, колеса на спицах, отполированные фигурные крылья и подножки, непривычной формы капоты с фигурками животных на радиаторных пробках, сделанные вручную брызговики с металлическими накладками – все это катилось через перекресток на мягком резиновом ходу под скрип рессор и хромовых сидений, и Джо ощутил, как грудь его стиснуло странное ностальгическое чувство, сладостное и болезненное одновременно.

Проехав еще один квартал, он миновал маленький пыльный сквер, где, несмотря на жару, молодая семья – муж, жена и трое детей – играла с золотистым ретривером, который, высунув язык, носился за мячом.

Чувствуя, как отчаянно забилось его сердце, Джо притормозил. Еще немного, и он остановился бы на обочине, чтобы посмотреть за игрой.

На углу он заметил двух старшеклассниц, которые стояли на краю тротуара и, держась за руки, ожидали сигнала светофора, чтобы перейти на другую сторону. Судя по всему, они были близняшками, и ощущение похожести еще больше усиливалось благодаря одинаковым белым шортам и свежим крахмальным блузкам. Девочки напоминали мираж, глоток прохладной воды в пекле августовского дня, видение, возникшее из потусторонних материй посреди железобетонного ландшафта современного города. Словно ангелы, слетевшие с небес на грешную землю, они, казалось, были окружены сиянием, которое разгоняло, рассеивало смог и синеватые выхлопы множества автомобильных моторов.

Сразу за девочками высилась стена многоквартирного жилого дома в испанском стиле, вдоль которой были сооружены решетчатые шпалеры, густо заплетенные ползучей геранью-заухнерией. Заухнерия обильно цвела, и ее плотные алые шапки тяжело оттягивали гибкие плети вниз. Эти цветы очень любила Мишель; она даже посадила несколько кустов во дворе их дома в Студио-Сити.

Не успел Джо подумать об этом, как ему стало ясно: что-то изменилось. Незаметно, исподволь, но сомневаться в этом не приходилось. Между тем день был таким же жарким, а город – душным и пыльным, как всегда. Следовательно, все дело было в нем самом. Это он изменился, и перемены еще не закончились; Джо буквально физически ощущал, как внутри его все плавится, течет, заново кристаллизуется, настраиваясь на новый лад, и этот процесс было не остановить, как приливную волну.

Его горе несколько не уменьшилось, а одиночество было таким же сильным, как в самую темную безлунную ночь, когда он просыпался на своем убогом матрасе в пустой комнате и часами смотрел в темноту, шепча любимые имена, однако, несмотря на то что даже сегодняшнее утро было окрашено меланхолией и стремлением к смерти, Джо уже точно знал, что в нем изменилось. Он больше не хотел умирать. Он хотел жить.

И перемена эта произошла с ним вовсе не оттого, что на кладбище его чуть не убили. Тот факт, что в него стреляли и едва не попали, сам по себе вряд ли был способен открыть

⁶ Ар-деко – основанный на геометрических формах декоративный стиль в искусстве 1920–1930 гг., имевший прикладное значение. Употреблялся для оформления мебели, тканей и др. Вновь возродился в 1960-х гг.

Джо глаза на то, что жизнь по-прежнему прекрасна и удивительна. Это было бы слишком просто. Катализатором, запустившим сложный химический процесс, в котором без остатка растворились его равнодушие и апатия, стал гнев. И это был не просто бессильный гнев человека, потерявшего самое дорогое; Джо был в ярости из-за того, что Мишель не может любоваться парадом старых автомобилей, не может увидеть девочек-школьниц в белых рубашках, увитые алыми геранями шпалеры на углу улицы или заплетенную пурпурной и розовой бугенвиллеей крышу скромного одноэтажного бунгало. При мысли о том, что ни Нина, ни Крисси никогда не смогут поиграть в мяч или «летающее блюдо» со своей собакой, никогда не украсят мир своей красотой и никогда не испытают ни радости, ни восторга от избранной ими карьеры или счастливого замужества и не познают любви своих собственных детей, его руки сами собой сжимались в кулаки. Ярость изменила Джо, ярость продолжала подстегивать его, ярость не давала ему снова погрузиться в пучины отчаяния и жалости к себе.

«Как ты живешь?» – спросила женщина, фотографировавшая могилы.

«Я еще не готова говорить с тобой», – сказала она.

«Я вернусь, когда будет пора», – пообещала она, словно должна была открыть ему что-то очень важное, помочь приобщиться к какому-то откровению...

Потом Джо вспомнил двух мужчин в гавайских рубашках. Вспомнил головореза при компьютере, который на досуге изучал холодное оружие, и девушек с пляжа в бикини на шнурках. За ним следили сразу несколько бригад оперативников, ожидавших, пока женщина не выйдет на контакт с ним. Фургон, по самую крышу набитый сложнейшей электроникой, компьютерами, направленными микрофонами, камерами видеонаблюдения и прочим, тоже говорил сам за себя, и говорил достаточно красноречиво. А когда он бежал, они хотели застрелить его, застрелить совершенно хладнокровно, потому что...

Почему?!

Может быть, они считали, что темнокожая женщина успела сказать ему нечто очень важное – такое, чего он ни в коем случае не должен был узнать? Или потому, что он представлял для них – кем бы они ни были и кого бы ни представляли – опасность только из-за того, что узнал о существовании этой женщины? А может быть, они решили, что он сумел найти в их фургоне что-то такое, что позволит ему установить их личности и разгадать дальнейшие намерения?

Что ж, подвел Джо неутешительный итог, он так ничего и не узнал ни о людях, приехавших в белом фургоне, ни о том, чего они хотели от этой странной женщины. Одно было неоспоримо: все, что Джо знал о гибели своей жены и дочерей, не соответствовало действительности либо частично, либо полностью. Что-то в истории катастрофы рейса 353 было нечисто, и теперь кто-то пытался спрятать концы в воду.

Чтобы прийти к этому заключению, Джо не понадобился даже его репортерский инстинкт. Подсознательно он понял это в тот самый миг, когда встретил незнакомую женщину возле могил. Увидев в ее руках фотоаппарат, встретив ее исполненный силы взгляд, услышав голос, в котором звучали сострадание и ласка, Джо – даже без этих загадочных слов насчет того, что она еще не готова говорить с ним, благодаря лишь обыкновенному здравому смыслу – понял, что он знает не всю правду.

Он ехал через тихий провинциальный Бербанк и буквально кипел от бешенства. Ощущение несправедливости наполняло его до краев. Мир всегда был холодной и жестокой машиной, и Джо никогда не питал на сей счет никаких иллюзий, но сейчас к этим неотъемлемым свойствам бесконечной Вселенной добавились обычные человеческие пороки: ложь, предательство, равнодушие, алчность.

Еще совсем недавно Джо спорил с собой, пытаясь убедить себя, что пенять на то, как устроен мир, глупо и что только смирение и безразличие способны облегчить его страдания. И в какой-то степени он был прав. Злиться на воображаемое существо, восседающее на небесном

престолу, было абсолютно бессмысленно – так же бессмысленно, как пытаться погасить звезды, бросая в них камнями. Но теперь у него появился более подходящий объект для ненависти: люди, которые скрыли или намеренно исказили все обстоятельства гибели рейса 353.

Джо понимал, что ему никогда не вернуть Мишель, Крисси и Нину и что его разбитая жизнь уже никогда не будет целой. Кровоточащие раны в его душе были слишком глубоки, чтобы их можно было залечить, и никакая правда, которую ему, быть может, предстояло узнать, не способна была помочь Джо снова обрести смысл жизни. У него осталось только прошлое, жизнь была кончена, и ничто не в силах было изменить этот факт. Вместе с тем Джо не сомневался в своем праве знать, что именно случилось с его женой и дочерьми, как и почему они умерли. И по чьей вине... Это было не только его правом, но и обязанностью, его священным долгом перед погибшими. Джо обязан был узнать, что случилось с самолетом.

Горечь и боль стали для него точкой опоры, а ярость – рычагом, с помощью которого Джо мог перевернуть весь этот проклятый мир и добраться до истины. И он готов был сделать это вне зависимости от того, что он мог при этом разрушить и кого погубить.

Оказавшись на тихой жилой улочке, Джо подрулил к обочине и остановился. Выключив двигатель, он вышел из машины и медленно обошел ее кругом, хотя и понимал, что у него совсем мало времени. Должно быть, Блик и компания уже мчатся по его следам.

Развесистые кроны высаженных вдоль улицы королевских пальм безжизненно повисли в жарком неподвижном воздухе. Он был густым, как смола, и резные пальмовые листья увязли в нем точь-в-точь как вплавленная в янтарь муха.

Джо поднял капот «хонды», но передатчика здесь не было. Тогда он присел перед машиной на корточки и пошарил рукой за бампером. Снова ничего.

Вдалеке послышался свистящий рокот вертолетных винтов. Он становился все громче и громче.

Джо переместился на правую сторону машины и ощупал пространство за передним колесом с пассажирской стороны, но только испачкал пальцы в грязи и тавоте. Под задним крылом передатчика тоже не оказалось.

Шум вертолета превратился в оглушительный рев. Маленькая верткая машина показалась с северной стороны и промчалась прямо над головой Джо. Она шла на высоте не больше пятидесяти футов над домами, и длинные изящные листья пальм затряслись и закачались под ветром, поднятым винтом вертолета.

Джо в тревоге запрокинул голову и посмотрел вслед удаляющейся машине. Ему казалось, что вертолет разыскивает именно его, однако рассудок подсказывал, что это предположение не имеет под собой никаких оснований. Должно быть, у него просто разыгралось воображение.

Вертолет исчез за домами на юге, даже не замедлив хода. На борту его не было ни полицейской эмблемы, ни какой-либо другой надписи.

Кроны пальм перестали раскачиваться и опять замерли под лучами палящего солнца.

Джо снова присел у заднего бампера машины и наконец нащупал скрытый под ним передатчик. Вместе с батареями передатчик был не больше пачки сигарет. Посылаемый им сигнал был, разумеется, не слышен.

Маленькая коробочка выглядела совершенно безвредной.

Джо положил ее на мостовую и открыл багажник, намереваясь достать монтировку и превратить аппарат в обломки, но в это время с ним поравнялся медленно движущийся грузовик муниципальной службы, из кузова которого грустно свешивались свежесрезанные ветви деревьев и кустов.

Широко размахнувшись, Джо забросил передатчик в кузов грузовика. Он рассчитывал, что это поможет ему выиграть время, пока Блик и компания будут сопровождать грузовик до ближайшей помойки.

Проехав некоторое расстояние, Джо снова заметил на юге вертолет. Он кружил над городом по сужающейся спирали, зависал и снова начинал кружить, и Джо понял, что его опасения не были беспочвенными. Вертолет находился либо над кладбищем, либо – что было еще вероятнее – над заросшей кустарниками пустошью возле Гриффитской обсерватории.

Он явно искал женщину, и Джо невольно подумал о том, насколько внушительными возможностями располагают его враги.

Часть II. Поисковый стереотип

5

«Лос-Анджелес таймс» публиковала рекламы больше, чем любая другая газета в Соединенных Штатах. Благодаря этому она продолжала приносить своим владельцам доход даже в тот век, когда большинство печатных средств массовой информации оказалось в загоне. Редакция «Таймс» находилась в деловом центре города, в многоэтажном здании, которое целиком принадлежало газете и занимало почти весь квартал.

Штаб-квартира скромной «Лос-Анджелес пост» располагалась даже не в Лос-Анджелесе, а занимала старенькое четырехэтажное здание в Сан-Вэлли, неподалеку от аэропорта Бербанк – в пределах мегаполиса, но за границей городской черты.

Вместо многоуровневого подземного гаража возле штаб-квартиры «Пост» имелась простая открытая автостоянка, окруженная забором из металлических цепей, поверх которого были протянуты спирали колючей проволоки, а вместо улыбающегося служителя в форме с приколотым к карману удостоверением за въездом на стоянку надзирал угрюмого вида молодой человек лет девятнадцати-двадцати, который сидел на складном стульчике под грязноватым ресторанным зонтом с выцветшей эмблемой «Чинзано», худо-бедно закрывавшим его от солнца.

Молодой человек слушал по радио рэп-волну. Его чисто выбритая голова влажно блестела от испарины, в правой ноздре болталась золотая серьга, а ногти были выкрашены в черный цвет. Свободные черные джинсы были тщательно разорваны на коленях, а на черной майке навывпуск значилось большими красными буквами: «FEAR NADA»⁷. На все въезжающие машины молодой человек взирал с таким выражением на лице, словно он заранее оценивал каждую и прикидывал, сколько можно будет за нее выручить, если угнать ее и разобрать на запчасти. На самом деле, как понял Джо, он просто высматривал пропуск на ветровом стекле и отправлял на муниципальную стоянку те автомобили, которые не имели отношения к редакции.

Пропуска менялись каждые два года, но бумажка, приклеенная к ветровому стеклу его «хонды», все еще была действительна. Джо уволился через два месяца после катастрофы самолета, но его редактор, Цезарь Сантос, отказался принять его отставку и отправил Джо в неоплачиваемый бессрочный отпуск, который гарантировал ему место в случае, если он надумает вернуться.

Но Джо так и не надумал. Он твердо знал, что никогда не вернется в газету. Просто сейчас ему необходимо было воспользоваться редакционным архивом.

Вестибюль редакции выглядел достаточно унылым и казенным. Металлические стулья с синими пластмассовыми сиденьями, выкрашенные в бежевый цвет стены, кофейный столик с пластиковой столешницей под камень, два сегодняшних номера «Пост» – такова была убогая обстановка, которую не оживляли даже несколько черно-белых фотографий на стене, сделанных самим Биллом Хэннетом, легендарным фоторепортером «Лос-Анджелес пост», удостоенным за свое искусство нескольких специальных журналистских премий. На снимках были запечатлены эпизоды недавних беспорядков: объятый пламенем город и толпы ухмыляющихся молодчиков на улицах, а также сцены постигшей катастрофы – разрушенные землетрясением дома, широкие трещины в асфальте, молодая мексиканка, прыгнувшая навстречу собственной

⁷ Букв. «страха нет» (англ. и исп.).

гибели с шестого этажа пылающего дома, хмурое грозовое небо и роскошная усадьба на фоне океана, чудом удерживающаяся на гребне изуродованного оползнем холма. Собственно говоря, в этом не было ничего удивительного – ни одно средство массовой информации, будь то газета, радиостанция или телеканал, не могло создать себе имя и репутацию на хороших новостях.

В вестибюле сидел за конторкой Дьюи Бимис, совмещавший обязанности секретаря и охранника. Он работал в «Пост» уже больше двух десятков лет – с тех самых пор, когда эксцентричный и самовлюбленный миллиардер основал эту газету, наивно полагая, что ему удастся сбросить с олимпа власти «Лос-Анджелес таймс», печально известную своими тесными связями с политическими и финансовыми воротилами. В первое время его детище располагалось в новеньком здании в престижном районе Сенчури-Сити, где все приемные и холлы были оформлены и меблированы по проекту супердизайнера Стивена Чейза. Впрочем, тогда Дьюи еще не был секретарем, а работал простым охранником, каковых, к слову сказать, в те далекие времена было семеро.

Но время шло, и оказалось, что даже снедаемому манией величия миллиардеру может надоесть швырять деньги в бездонный колодец, которым оказалась «Лос-Анджелес пост». Небоскреб в Сенчури-Сити был продан, и газета переехала в более скромное здание в Сан-Вэлли. Великому переселению предшествовало сокращение штатов, но Дьюи сумел удержаться на своем месте благодаря тому, что при росте шесть футов и четыре дюйма, бычьей шее и таких широких плечах, что в узкие двери ему приходилось проходить боком, оказался единственным из охранников, умевшим печатать на машинке со скоростью восьмидесяти слов в минуту. Кроме того, он вполне прилично разбирался в компьютерах и прочей редакционной технике, которая частенько выходила из строя.

Со временем «Пост» перестала приносить убытки, но о прибыли по-прежнему не было и речи. Тем не менее положение ее стабилизировалось, и блестящий мистер Чейз даже успел спроектировать для редакции несколько великолепных интерьеров, появившихся, увы, только на страницах «Архитектор дайджест» и еще где-то, потому что их автор неожиданно скончался, даже дизайнерский гений не уберег его от кончины. Так, несмотря на все свое богатство, когда-то отдаст концы чудаковатый миллиардер; так умрет однажды и Дьюи Бимис – умрет, вопреки своим разнообразным талантам, приветливой улыбки и заразительному смеху.

– Джо! – воскликнул Дьюи и, радостно ухмыляясь, поднялся со своего кресла за конторкой.

Издаലെка он был похож на огромного бурого медведя, который встал на дыбы и протягивает вперед свою широкую лапу.

– Как дела, Дью? – кивнул Джо, пожимая руку.

– Карвер и Мартин недавно окончили лос-анджелесский университетский колледж, окончили с отличием. Теперь старший пойдет по медицинской части, а второй хочет стать юристом! – выпалил Дьюи с таким жаром, словно этой новости было всего несколько часов и она должна была попасть на первую полосу завтрашнего воскресного выпуска «Пост». По всему было видно, что, в отличие от своего работодателя-миллиардера, Дьюи гораздо больше гордится не собственными достижениями, а успехами своих детей. – А Юлия окончила второй курс Йельского университета и снова получила стипендию. Ее общий показатель – три и восемь десятых. Осенью ее хотят сделать редактором студенческого литературного журнала – она, видишь ли, очень хочет стать писательницей, как эта... Энни Пролл, которую она все время перечитывает...

Тут Дьюи вспомнил о катастрофе рейса 353, и по его глазам пробежала тень. Устыдившись своего порыва, он неловко оборвал себя на полуслове и замолчал, не желая больше похвастаться своими детьми перед человеком, который потерял семью.

– Как поживает Лина? – не без усилия спросил Джо, имея в виду жену Дьюи.

– Хорошо... То есть все нормально. Нормально она поживает... – Дьюи натянуто улыбнулся, стараясь загладить свой промах. Очевидно, ему было нелегко справиться с воодушевлением, которое охватывало его каждый раз, когда он заговаривал о семье.

Джо всегда ненавидел в своих друзьях эту неловкую жалость. Даже по прошествии целого года она никуда не исчезла, и это угнетало его. Именно по этой причине он так старательно избегал всех, кого знал в своей прошлой жизни. Жалость и сочувствие в глазах друзей, несомненно, были искренними, но Джо казалось, что все они осуждают его за неспособность справиться с силами и начать жить сначала. Впрочем, тут он, скорее всего, ошибался.

– Послушай, Дьюи, – сказал он, – мне нужно подняться наверх и кое-что проверить. Я расследую одно дело и хочу воспользоваться нашей базой данных. Если можно, конечно...

Дьюи просветлел лицом.

– Ты хочешь вернуться, Джо? – радостно спросил он.

– Может быть, – солгал Джо.

– Вернуться в штат, чтобы снова работать?

– Я подумываю об этом.

– Мистер Сантос будет очень рад услышать об этом.

– Кстати, Гай Юлий сегодня на месте?

– Нет, шеф в отпуске. Укатил на рыбалку куда-то в Ванкувер.

Джо испытал огромное облегчение, узнав, что ему не придется лгать Цезарю Сантосу и выдумывать какие-то веские причины, объясняющие его появление.

– Меня интересует кое-какая информация, – повторил он. – Я задумал репортаж о некоторых необычных человеческих причудах. Он будет отличаться от того, что я делал раньше, поэтому я решил, что для начала мне нужно будет покопаться в архиве.

– Я уверен, что мистер Сантос хотел бы, чтобы ты чувствовал себя здесь как дома. Ступай и делай, что тебе надо.

– Спасибо, Дьюи.

Джо прошел сквозь вращающуюся дверь и оказался в длинном полутемном коридоре, покрытом затоптанной и вытертой ковровой дорожкой зеленого цвета. Стены здесь были выкрашены масляной краской, которая от времени стала рябой, а звукопоглощающее покрытие на потолке вылиняло и поблекло, и Джо невольно подумал о том, что с тех пор, как редакция переехала из роскошного особняка в Сенчури-Сити и отказалась от всех внешних атрибутов богатства и благосостояния, ей не оставалось ничего другого, как поддерживать имидж оппозиционной газеты, вынужденной мириться с бедностью ради правого дела.

В нише слева располагались лифты. Двери обеих шахт были помяты и поцарапаны.

Первый этаж, на котором размещались в основном архивы и офисы отделов распространения и приема рекламы, был безлюден и погружен в субботнюю тишину. Должно быть, именно поэтому Джо чувствовал себя не в своей тарелке. Он был уверен, что любой из сотрудников редакции, который встретится ему в этом пустом коридоре, сразу поймет, что он проник сюда под фальшивым предлогом, преследуя цели, которые не имеют к журналистике никакого отношения.

Джо как раз ждал лифта, когда в коридоре послышался топот. Нервно обернувшись, он увидел Дьюи, который, размахивая руками, спешил к нему. В кулаке секретарь-охранник сжимал белый плотный конверт.

– Чуть не забыл, – сказал он, отдуваясь. – Несколько дней назад к нам заходила одна леди. Она сказала, что у нее есть материал специально для твоего репортажа.

– Какого репортажа?

– Она не сказала. Но по ее словам, ты должен быть в курсе.

Джо машинально взял конверт. Подъехал лифт, и двери отворились с тяжелым вздохом.

– Я сказал ей, что ты уже десять месяцев у нас не работаешь. Тогда она попросила твой телефонный номер, но я, конечно, сказал, что не могу дать ей ни телефона, ни адреса, – добавил Дьюи.

– Спасибо. – Джо шагнул в лифт.

– Я обещал, что перешлю письмо тебе или в крайнем случае позвоню, и только потом обнаружил, что ты переехал и твоего номера нет в справочнике. И вообще ни у кого нет.

– Вряд ли это срочный материал, – уверил охранника Джо и взмахнул конвертом. В конце концов, он вовсе не собирался возвращаться к журналистике, но Дьюи не обязательно было об этом знать.

Двери лифта начали закрываться, но Дьюи поставил в щель ногу. Нахмурившись, он сказал:

– Ни в личном деле, ни в картотеке учета кадров не оказалось никаких сведений о том, куда ты девался. Никто из твоих друзей не знал, как с тобой связаться.

– Да, – кивнул Джо. – Так и было.

Дьюи немного поколебался.

– Я понимаю, – сказал он наконец. – Тебе нужно было отлежаться. Наверное, ты чувствовал себя на самом дне пропасти.

– Это верно, – признал Джо. – Но я выкарабкаюсь, дай только срок.

– Друзья могли бы спустить тебе веревку или придержать лестницу, чтоб не очень шата-лась.

Джо, тронутый до глубины души, только кивнул.

– Не забывай, – строго сказал Дьюи.

– Спасибо, Дью.

Секретарь-охранник убрал ногу, двери лифта закрылись – и кабина тронулась вверх.

Третий этаж почти целиком занимал отдел новостей. Огромный главный зал разделялся при помощи легких перегородок на несколько десятков крошечных кабинок, так что охватить взглядом все пространство целиком было физически невозможно. В каждой кабинке был установлен подключенный к редакционной сети компьютер, телефон, вращающееся рабочее кресло и прочие приспособления, необходимые современному представителю второй древнейшей профессии.

Джо знал, что такой же зал имеется и в редакции «Таймс». Вся разница заключалась в том, что у конкурентов он был гораздо просторнее, а мебель и модульные разборные кабинки – современнее, да и в воздухе не пахло ни асбестовой пылью, ни формальдегидами, которые обильно выделяла разлагающаяся от старости отделка стен. Кроме того, в отделе новостей «Таймс» даже в субботу вечером кипела работа, чего нельзя было сказать о «Пост».

За последние несколько лет Джо дважды предлагали перейти в «Таймс», но оба раза он отказывался. «Серая леди», как называли конкурирующую «Лос-Анджелес таймс» в некоторых кругах, действительно была профессиональной и мощной газетой, однако именно рекламные объявления обеспечивали для нее сытую жизнь, и боязнь их потерять заставляла ее тратить на поддержание сложившегося статус-кво слишком много усилий. Джо был уверен, что только в «Пост» ему будет позволено высказываться достаточно агрессивно и резко; больше того, именно такие репортажи от него здесь требовались. И хотя редакция «Пост» подчас напоминала психушку, Джо были весьма по душе энергичный, напористый стиль газеты, стремление ее сотрудников непременно докопаться до сути и репутация издания, которое никогда не выдавало политические заявления власть имущих за настоящие новости и считало всех без исключения чиновников либо коррумпированными, либо некомпетентными, либо сексуально озабоченными, либо рвущимися к неограниченной власти.

Несколько лет назад, после печально знаменитого землетрясения в Нортридже, сейсмологи неожиданно обнаружили тесную связь между двумя тектоническими разломами, один из которых проходил через самый центр Лос-Анджелеса, а другой залегал под долиной Сан-Фернандо. Тогда в отделе новостей многие шутили, что город, дескать, может потерпеть серьезный ущерб, поскольку теперь одного мощного подземного толчка достаточно, чтобы уничтожить одновременно и здание «Таймс» в деловом центре Лос-Анджелеса, и редакцию «Пост» в Сан-Вэлли. Согласно той же шутке, без последней лосанджелесцы не будут знать, какие политики и должностные лица запускают лапы в городскую казну, берут взятки у наркодельцов или занимаются скотоложством, однако еще большей потерей для них будет отсутствие воскресного приложения «Таймс», из которого городские жители привыкли узнавать, какие магазины проводят распродажу по сниженным ценам.

И если «Пост» бывала порой такой же настырной и безжалостной, как терьер, почуявший запах крысы, то для Джо это вполне искупалось возведенной в принцип беспристрастностью и объективностью. Подавляющее большинство тех, кого газета избирала мишенью для критики, действительно оказывались настолько продажными и коррумпированными, как о них писалось, и это было самым главным.

Было и еще одно обстоятельство. Мишель тоже работала в «Пост» и вела колонку, посвященную культурным событиям, а иногда ей поручали даже редакционные статьи. Здесь Джо познакомился с Мишель, здесь он за ней ухаживал, здесь они вместе наслаждались ощущением принадлежности к предприятию, которое ведет тяжелую, безнадежную, но благородную борьбу. Даже в первые месяцы и первой, и второй беременности Мишель продолжала работать в этих стенах, и Джо не мог сбрасывать это обстоятельство со счетов.

Вот и сейчас помещения редакции снова напомнили ему о Мишель, и Джо подумал, что даже в случае, если он оправится настолько, что жизнь снова обретет смысл и цель, ради которых стоит бороться, дорогие образы снова и снова будут всплывать в его памяти каждый раз, когда он будет переступать порог этого здания. Иными словами, как бы ни повернулась его дальнейшая жизнь, он все равно не сможет работать в «Пост».

Вздыхнув, Джо направился прямо к своему бывшему рабочему месту в подотделе городских новостей. Он был рад, что ему не встретился никто из старых знакомых. Кроме того, после ухода Джо его место досталось Рэнди Колуэю – отличному парню, который не был бы в претензии, даже если бы застал Джо в своем кабинете.

Опустившись в кресло, Джо сразу увидел приколотые к стене фотографии жены Рэнди, его девятилетнего сына Бена и шестилетней дочери Лизбет. Он долго смотрел на них, потом отвел взгляд и больше не поворачивался в ту сторону.

Включив компьютер, Джо сунул руку в карман и извлек оттуда конверт со штампом Департамента автотранспорта, найденный им в кабине белого фургона. Как он и ожидал, внутри оказалась официальная регистрационная карточка, однако, к его огромному удивлению, владельцем машины числилось не правительственное правоохранительное агентство и даже не частное сыскное бюро, а какая-то корпорация со странным названием «Медспек инк.». Этого Джо никак не ожидал. При ближайшем рассмотрении Уоллес Блик и остальные двое любителей стрельбы с бедра мало походили на полицейских или федеральных агентов, однако в них было гораздо больше от служителей закона, чем от всех сотрудников корпоративных служб безопасности, с которыми Джо когда-либо приходилось сталкиваться.

Впрочем, эту загадку можно было отложить на будущее. У Джо был свой план, которому он твердо решил следовать. Перво-наперво он вышел в архивную директорию, в которой в цифровом виде хранились все номера «Пост», увидевшие свет за прошедшие со дня основания газеты два десятка лет. Здесь можно было найти любую информацию, в том числе фотографии, исключая, разумеется, комиксы, гороскопы, кроссворды и тому подобную дребедень. Включив

режим поиска, Джо ввел ключевое слово «Медспек» и нашел шесть упоминаний. Все это были крошечные – в одну-две строки – заметки из раздела «Бизнес», Джо прочитал их целиком.

Корпорация «Медспек», зарегистрированная в Нью-Джерси, начиналась как служба воздушной скорой помощи, охватывающая несколько крупных городов. Некоторое время спустя она стала специализироваться на срочной доставке необходимых медицинских инструментов и материалов, охлажденной или консервированной крови, кожи и органов для трансплантации, а также дорогостоящего и хрупкого медицинского оборудования. Кроме того, корпорация несколько раз подряд ждалась транспортировать в высшей степени опасные бактериологические препараты для гражданских и военных исследовательских лабораторий. Столь специфические задачи обусловили наличие целого парка самых современных самолетов и вертолетов.

«Вертолетов...»

И вместительных белых фургонов без опознавательных знаков.

Далее Джо узнал, что восемь лет назад контрольный пакет акций «Медспек инк.» был куплен «Текнолоджик инк.» – делавэрской корпорацией, обладающей разветвленной сетью отделений и дочерних компаний, благодаря которым она занимала не последнее место в медицинской и компьютерной индустрии. Но даже компьютерные холдинг-компании «Текнолоджик инк.» занимались в основном разработкой программного обеспечения для медицинских учреждений и исследовательских лабораторий.

Джо повторил поиск, используя «Текнолоджик» в качестве ключевого слова, и получил сорок одну статью, большинство из которых также публиковались в бизнес-разделе «Пост». Первые две оказались настолько сухими, настолько насыщенными специальным финансовым и бухгалтерским жаргоном, что Джо с трудом их одолел.

Четыре самые длинные статьи он решил распечатать, чтобы ознакомиться с ними позднее.

Пока старенький принтер, урча и побряхтывая от натуги, выплевывал в лоток готовые страницы, Джо заказал список статей, которые «Пост» посвятила катастрофе рейса 353, и на экране появился перечень заголовков с датой публикации.

Чтобы работать с этими материалами, Джо потребовалось все его мужество. Минуту или две он сидел неподвижно, крепко зажмурив глаза и глубоко дыша, стараясь вызвать перед своим мысленным взором образ океанских волн, равномерно набегающих на песчаный берег. Наконец, все еще сжимая челюсти с такой силой, что его лицо едва не перекосило судорогой, Джо начал вызывать на экран одну статью за другой, ища боковую колонку с полным списком пассажиров.

Попадались ему и фотографии, но он старался проскакивать их побыстрее, чтобы не видеть обломков «боинга», которые сила удара превратила в мелкий мусор или искорежила до такой степени, что непосвященному глазу трудно было бы опознать самолет в этих сюрреалистических скульптурах и грудях хлама. Все же глаза Джо невольно останавливались на некоторых снимках, сделанных утром после катастрофы. На них были запечатлены бледный рассвет, серый, унылый дождь, начавшийся через два часа после падения «боинга», и специалисты Национального управления безопасности перевозок, которые ходили по перепаханному лугу в белых биозащитных костюмах и шлемах с пластиковыми забралами. На заднем плане виднелись расщепленные, опаленные огнем деревья, вцепившиеся скрюченными черными сучьями в бледный бок неба.

Джо быстро пролистал несколько страниц и обнаружил список членов экспертной группы немедленного реагирования НУБП, занимавшихся расследованием обстоятельств гибели рейса 353. В группе было четырнадцать человек, а руководила ею некая Барбара Кристмэн.

Было и несколько статей с фотографиями членов экипажа и пассажиров. Разумеется, не все триста тридцать душ удостоились этой чести; предпочтение было отдано жителям Южной Калифорнии, возвращавшимся домой, в то время как обитатели восточной части страны,

направлявшиеся на запад для отдыха или по делам, почти не были представлены в этом мрачном мартирологе катастрофы. Фотографии Мишель с дочерьми были особенного большого формата: «Пост» считала их как бы членами своей семьи, тем более что Мишель тоже работала в газете.

Восемь месяцев назад, во время переезда на новую квартиру, Джо почувствовал, что не может больше без конца просматривать семейные альбомы и разрозненные моментальные снимки. Тогда он упаковал все фотографии в большую картонную коробку и убрал подальше, в самый дальний угол единственного чулана, уговаривая себя, что чем больше он будет ковыряться в своих ранах, тем дольше ему придется ждать исцеления.

И вот теперь, когда лица Мишель и девочек появились на экране монитора, Джо едва не задохнулся от боли, хотя ему казалось, что он подготовился достаточно хорошо. Официальный снимок, сделанный для личного дела штатным фотографом «Пост», запечатлел только красоту Мишель, почти не отразив ни ее нежного очарования, ни ума, ни задора в уголках губ, но Джо было от этого нисколько ни легче. Для него это все равно была Мишель – та самая Мишель, которую он любил.

Крисси и Нина были сфотографированы на рождественском утреннике, который «Пост» устраивала для детей сотрудников. Этот снимок был гораздо удачнее: глаза Крисси счастливо сияли, а Нина, которая иногда настаивала на том, чтобы ее имя произносилось как Найна, улыбалась в объектив своей милой хитроватой улыбкой, при виде которой Джо всегда казалось, что девочка знает все волшебные тайны на свете.

Сейчас при виде этой фотографии Джо вспомнил глупый стишок, который он иногда декламировал дочери, укладывая ее в постель. Прежде чем Джо успел справиться с собой, губы его сами собой произнесли:

– Найну-Нину мы искали, Найну-Нину потеряли...

Потом Джо почувствовал, что еще немного – и он утратит власть над собой и своими эмоциями, и торопливо щелкнул мышью, чтобы убрать дорогие лица с экрана, но стереть образы жены и дочерей из памяти было не так просто. Теперь он видел их перед собой еще яснее, чем тогда, когда убирал фотографии в коробку и заклеивал скотчем.

«Найну-Нину мы искали, Найну-Нину потеряли...»

Наклонившись вперед, Джо закрыл лицо руками и только невнятно повторял сквозь стиснутые зубы:

– Черт! О черт!..

Прибой разбивался о берег – такой же, как вчера, такой же, каким он будет завтра. Тикали часы, тени ползли по стенам, восходы чередовались с закатами, фазы луны сменяли друг друга, мерно двигались поршни, качались рычаги, вращались гигантские зубчатые колеса и валы. Вечные ритмы, бессмысленные движения.

Безразличие – вот единственное лекарство от безумия и отчаяния.

Джо с трудом отнял руки от лица, выпрямился и попытался сосредоточиться на экране компьютера.

Больше всего он боялся привлечь к себе внимание. Если бы кто-то из старых знакомых заглянул сейчас в кабинку и увидел его в таком состоянии, Джо пришлось бы изобретать какие-то предлоги, чтобы объяснить, что он здесь делает. Между тем он был в таком состоянии, что даже простое общение потребовало бы от него титанических усилий.

Наконец Джо нашел то, что искал, – полный список пассажиров злосчастного авиалайнера. «Пост» сэкономила ему время и силы, выделив в отдельную колонку всех, кто жил в Южной Калифорнии. Джо распечатал все эти имена вместе с названиями городов, где оставались родственники или дома погибших.

«Я еще не готова говорить с тобой», – сказала ему женщина, которая фотографировала могилы. Значит, у нее было что сказать.

«Не отчаивайся. Ты увидишь, как и другие...» – сказала она.

Что он может увидеть?

Что?!

Джо терялся в догадках. На его взгляд, эта незнакомая женщина вряд ли могла сказать или показать ему что-то такое, что помогло бы ему совладать со своим отчаянием.

Таких вещей просто не существовало в природе.

«...Как и другие. Ты увидишь, как и другие».

Какие другие?

На этот вопрос мог быть только один ответ. Другие – это люди, которые, как и Джо, потеряли своих близких родственников во время катастрофы рейса 353. Люди, которые пребывали в таком же отчаянии, как и он, и с которыми эта странная женщина уже поговорила.

И Джо вовсе не собирался ждать, пока незнакомка снова разыщет его. Он очень хорошо понимал, что, коль скоро Уоллес Блик и компания гонятся за ней по пятам, она может не успеть нанести Джо визит и удовлетворить его любопытство.

Когда Джо закончил сортировать и скреплять распечатки, он заметил на столе белый конверт, который Дьюи Бимис дал ему у лифта. Садясь за компьютер, Джо прислонил его к коробке салфеток «Клинекс» и забыл про него.

Когда он работал репортером отдела уголовной хроники, подписанные им статьи появлялись на страницах «Пост» довольно регулярно и некоторые читатели присылали ему материалы или даже просто письма, в которых указывали ту или иную проблему, на которую следовало бы обратить внимание. Разумеется, большинство таких добровольных помощников были, мягко говоря, не в своем уме. Одни всерьез считали себя жертвами тайной сатанистской секты, окопавшейся в городском департаменте садово-паркового хозяйства; другие сообщали о заговоре флагманов табачной промышленности, намеренно вводящих никотин в состав детского питания; третьи сообщали, что раскрыли у себя под боком гнездо паукообразных пришельцев из соседней галактики, прикинувшихся семьей безобидных корейских иммигрантов.

Однажды Джо пришлось иметь дело с испуганным и возбужденным мужчиной, который, дико вращая глазами, утверждал, что мэр Лос-Анджелеса вовсе не человек, а робот, запрограммированный и управляемый отделом аниматроники местного Диснейленда. Джо заговорщически понизил голос и сказал, нервно оглядываясь по сторонам: «Знаете, нам стало известно об этом несколько лет назад, но мы ничего не можем сделать. Если мы напечатаем хоть слово, сотрудники Диснейленда явятся сюда в полном составе и перебьют нас всех до единого».

Должно быть, его ответ прозвучал достаточно искренне и правдоподобно; во всяком случае, псих отпрянул от него так, словно на него плеснули кипятком, и бросился бежать.

Именно поэтому, вскрывая конверт, Джо ожидал найти в нем очередное небрежно нацарапанное карандашом для бровей сообщение о злонамеренных марсианах, живущих среди нас под видом мормонов, или что-нибудь в этом роде.

В конверте лежал сложенный втрое лист белой бумаги. На нем было всего несколько строчек, да и те были аккуратно напечатаны на машинке, однако, прочитав их, Джо сгоряча решил, что письмо передал ему очередной шизофреник, болезнь которого беспрепятственно прогрессировала, пока не дошла до последней стадии.

«Мне обязательно нужно связаться с вами, Джо. Моя жизнь зависит от вашего благоразумия и осторожности. Я была на борту рейса 353».

Джо еще раз перечел письмо. Какая чушь! Все, кто был на борту рейса 353, погибли. В письме с того света он никогда не верил, что, возможно, и отличало его от абсолютного большинства жителей города ангелов, вступившего в новый век.

Письмо было подписано именем Розы Такер, рядом с которым значился лос-анджелесский телефонный номер. Адреса не было, хотя Джо внимательно осмотрел лист бумаги и даже заглянул внутрь пустого уже конверта.

Вертя в руках загадочное послание, Джо чувствовал, что внутри его снова разгорается гнев, подобный тому, который пылал в его душе совсем недавно и который грозил снова превратиться во всепоглощающий пожар. Он почти с яростью сорвал трубку телефонного аппарата, чтобы позвонить мисс Такер и объяснить ей в самых простых и доступных выражениях, какой она жестокий и бессердечный кусок дерьма, коли позволяет себе делать объектом глупой мистификации вещи и темы, которые причиняют другим людям боль, и что ее шизоидные фантазии, которые она тешит, питаясь чужим горем, словно вампир, должны оставаться ее частным делом, но тут в памяти Джо всплыли слова, которые произнес Уоллес Блик, еще не видя, кто хозяйничает в кабине фургона.

«Вы поймали Розу?» – спросил он, полагая, что это вернулся кто-то из его бравых товарищей.

Розу...

В тот момент Джо был напуган голосом Блика буквально до потери сознания; кроме того, он боялся возвращения ковбоев в гавайских рубашках, боялся за жизнь убежавшей от них женщины, поэтому он и не обратил никакого внимания на то, что сказал громила.

И вот теперь он вспомнил его слова.

Очень может быть, что женщину, фотографировавшую могилы его жены и дочерей, звали Роза Такер.

Джо по-прежнему допускал, что Роза могла оказаться жалкой, больной неудачницей, живущей в мире своих параноидных фантазий, однако в этом случае «Медспек», «Текнолоджик» или кто-либо другой вряд ли стали бы тратить такие средства и задействовать столько людей только для того, чтобы отыскать ее.

Потом он вспомнил, какие чувства вызвало в нем одно только присутствие этой женщины, ее прямота, ее самообладание и сверхъестественное спокойствие. В ее взгляде не было безумия, одна только сила.

Нет, она не выглядела помешанной. Скорее наоборот.

«Мне нужно связаться с вами, Джо. Моя жизнь зависит от вашего благоразумия и осторожности. Я была на борту рейса 353».

Джо сам не заметил, как встал с кресла. Сердце его отчаянно колотилось, в ушах шумела кровь, лист бумаги дрожал в судорожно сжатых ладонях. Ему хотелось немедленно куда-то бежать, что-то делать... но что?

Он выглянул в проход между двумя рядами кабинок и обвел взглядом рабочую комнату, надеясь увидеть кого-нибудь, с кем он мог бы поделиться своим открытием.

«Взгляни сюда, – сказал бы он. – Здесь что-то не так, чертовски не так! Господи, я почти уверен, что все это было совсем иначе, не так, как нам сказали! Кто-то уцелел во время катастрофы, уцелел, спасся, выжил. Мы обязаны что-то предпринять, чтобы докопаться до истины. Нам объявили, что никто не спасся, никто! „Страшная катастрофа, все пассажиры погибли, примите наши соболезнования“. В чем еще нас обманули? Как, какой смертью погибли пассажиры этого рейса на самом деле? Почему они погибли? Почему?»

К счастью, прежде чем кто-то из многочисленных работников заметил его, трясущегося от волнения и ярости, прежде чем сам Джо увидел кого-либо из знакомых, он вдруг передумал и решил не делиться ни с кем своим открытием. Роза Такер неспроста писала, что ее жизнь зависит от его осторожности и благоразумия.

Кроме того, ему в голову неожиданно пришла одна сумасшедшая идея, которая, как ни странно, казалась особенно убедительной именно в силу своей иррациональности. Джо был совершенно уверен, что, покажи он кому-то этот листок бумаги, тот окажется чистым; если

он покажет кому-то водительскую лицензию Блика, то это будет его собственная водительская лицензия, а если он сумеет уговорить кого-то из репортеров поехать с ним на кладбище, то в траве не будет ни стреляных гильз, ни черного следа на дорожке, где тормозил странный фургон. И разумеется, никто из работников парка не вспомнит, что видел белый «форд» или слышал звуки выстрелов.

Нет, эта тайна была только его тайной, и Джо неожиданно понял, что разгадать ее не просто обязанность, а его священный долг в самом высоком смысле этого слова. Отныне в этом заключались его цель, его предназначение и весь смысл его жизни. И возможно, крохотная надежда.

Джо мысленно произнес все эти слова, не понимая точно, что, собственно, они значат. Их истинность он понимал подсознательно, и этого было ему более чем достаточно.

Все еще дрожа, Джо снова опустился в кресло.

«Интересно, – подумалось ему, – а сам-то я в своем ли уме?»

6

Джо позвонил в приемную Дьюи Бимису и спросил его, как выглядела женщина, оставившая конверт.

– Маленькая, симпатичная, хорошо воспитанная, настоящая леди, – объяснил Дьюи.

Джо сразу подумал, что при его гигантском росте маленькой могла показаться даже шестифутовая амазонка.

– Примерно пять футов шесть дюймов? – предположил Джо самым невинным тоном.

– Не-а... еще меньше. Я бы сказал, пять футов и два дюйма. Впрочем, она производит впечатление сильного человека. Ну, ты знаешь этот тип женщин: они всю жизнь выглядят как школьницы, но, если понадобится, могут горы свернуть...

– Темнокожая? – спросил Джо.

– Да, как и я.

– Молодая?

– Лет сорока с небольшим, но хорошенькая. Волосы черные как вороново крыло, но прямые... – Он немного помолчал. – Ты чем-то расстроен, Джо?

– Нет, все в норме.

– Просто у тебя голос странный... Может быть, в ее письме было что-то нехорошее?

– Нет, ничего, Дью. Я рад, что ты передал его мне. Спасибо.

Джо дал отбой. Шея его покрылась гусиной кожей, и он потер ее ладонью. Ладонь оказалась влажной, и он машинально вытер руки о джинсы. Вооружившись линейкой, Джо медленно повел ее по строчкам в списке пассажиров рейса 353 и вскоре наткнулся на имя: доктор Роза Мария Такер.

«Доктор...»

Она могла быть доктором медицины, философии, биологии, социологии, могла быть дантистом или специалистом по современным музыкальным направлениям, но Джо почему-то казалось, что он может больше доверять человеку, удостоившемуся ученой степени в любой из отраслей знания. Во всяком случае, подозревавшие мэра города в причастности к заговору роботов были скорее пациентами, чем докторами.

Из списка пассажиров Джо узнал, что Розе Марии Такер было сорок два года и что она жила в Виргинии в городе Манассас.

Джо ни разу не был в этом городке, однако, когда он навещал родителей Мишель в пригороде Вашингтона, ему случалось проезжать мимо.

Вернувшись к компьютеру, Джо снова принялся перебирать статьи, посвященные катастрофе, надеясь отыскать фотографию Розы Такер среди снимков других пассажиров, но ее не было.

Судя по данному Дьюи описанию, женщина, оставившая конверт, и незнакомка с кладбища, которую Блик назвал Розой, были одним и тем же лицом. Если Роза на самом деле была доктором Розой Марией Такер из Манассаса, штат Виргиния, – а без фотографии Джо не мог быть уверен в этом на сто процентов, – значит она действительно летела тем же самолетом, что и Мишель с девочками.

Но она выжила.

Собрав все свое мужество, Джо вернулся к двум самым большим снимкам, сделанным на месте катастрофы. На первом он видел только хмурое небо, обожженные деревья, мелкий мусор и искореженные остовы каких-то конструкций, среди которых – не то как монахи на молитве, не то как погибшие души в самом холодном и сыром круге ада – ходили, стояли или сидели, опустившись на колени, эксперты НУБП, одинаковые и безликие в своих биозащитных спецкостюмах с капюшонами и пластиковыми забралами. На втором снимке место падения «боинга» было сфотографировано сверху. На нем было особенно хорошо видно, во что превратил самолет сильнейший удар о землю. Обломки машины были разбросаны по такой большой площади, что даже термин «катастрофа» не отражал в полной мере всего ужаса происшедшего.

Нет, никто не смог бы уцелеть и пережить гибель лайнера, даже при самом благоприятном стечении обстоятельств.

И все же Роза Такер – если, конечно, это была та самая Роза Такер, которая поднялась на борт рейса 353 той трагической ночью, – не только выжила, но и, каким бы невероятным это ни казалось, почти не пострадала. Ни пожар, ни удар о землю и последовавший за этим взрыв не искалечили ее, не оторвали ни рук, ни ног и, насколько Джо успел заметить, вообще не причинили женщине никаких серьезных ранений. Судя по всему, Роза Такер отделалась, как это принято говорить, всего лишь несколькими царапинами, хотя Джо почему-то казалось, что и царапин у нее не было.

Но это было совершенно невозможно. Невероятно. Самолет падал к земле четыре мили, четыре долгие мили, и скорость его под действием сил земного тяготения постоянно росла. Ударившись со всей силой о землю и камни, «боинг» не просто разбился – он разбился вдребезги, как разбивается яйцо, сброшенное на асфальт мостовой с верхнего этажа небоскреба. После этого был еще взрыв, и огненная стихия сожгла, раздробила, превратила в золу и пепел все, что уцелело после столкновения самолета с землей. Можно было спастись из-под развалин Богом проклятой Гоморры, можно было, как Садрах⁸, выйти невредимым из печи Вавилонской, можно было, подобно Лазарю, восстать из могилы, пролежав под землей четыре дня, но все эти чудеса казались детскими игрушками по сравнению с тем, что проделала Роза Такер.

Сознание все твердило и твердило Джо, что это совершенно невозможно, но в душе его продолжали властвовать гнев и тревога, которые, в свою очередь, рождали странное благоговение и непереносимое жгучее любопытство. Джо был безумен и согласен принять невероятное. Он дошел до того, что готов был поверить в чудо.

Чтобы проверить свою дикую догадку, Джо позвонил в справочную службу Манассаса и попытался узнать телефон доктора Розы Марии Такер. Он был почти уверен, что абонент с таким именем в Манассасе не зарегистрирован или, по крайней мере, этот телефон отключен. В конце концов, официально Роза Такер считалась мертвой.

⁸ *Садрах* – один из трех еврейских отроков, отказавшихся поклониться языческому идолу и брошенных за это Навуходоносором в огненную печь (Книга пророка Даниила, 3: 23).

Но оператор продиктовала Джо номер и отключилась.

Некоторое время он колебался. Вряд ли Роза Такер могла спокойно вернуться домой после катастрофы и жить своей обычной жизнью, не вызвав сенсации. Кроме того, за ней охотились. Люди из «Медспека» непременно нашли бы ее, если бы она вернулась в Манассас.

Возможно, в доме все еще жили ее родные, которые по каким-то причинам не стали перерегистрировать телефон.

Джо набрал номер.

Трубку взяли на втором гудке.

– Алло?

– Это дом Такеров? – спросил Джо.

– Да. – Голос был мужской, резкий, без какого-либо характерного акцента.

– Могу я поговорить с доктором Такер?

– Кто ее спрашивает?

Интуитивно Джо решил скрыть свое настоящее имя.

– Уолли Блик.

– Простите, как?

– Уоллес Блик.

Человек на другом конце линии некоторое время молчал, затем Джо услышал:

– Могу я узнать, по какому делу вы звоните?

Голос почти не изменился, но Джо уловил в нем неизвестно откуда взявшуюся настороженность и хорошо скрываемое напряжение.

Почувствовав, что перемудрил, Джо бросил трубку.

Ладони его снова вспотели, и он тщательно вытер их о джинсы.

Мимо кабинки, на ходу рассматривая записи в блокноте, прошел кто-то из репортеров. «Привет, Рэнди», – бросил он, не поднимая головы. Джо ответил невнятным ворчанием и, взяв в руки письмо Розы Такер, набрал оставленный ею лос-анджелесский номер.

На пятом гудке трубку взяла женщина.

– Вас слушают.

– Позовите, пожалуйста, Розу Такер, – вежливо попросил Джо, стараясь говорить чужим голосом, хотя никакой необходимости в этом не было.

– Здесь таких нет, – сказала женщина, и Джо поразился ее сочному южному выговору. Он считал, что так уже давно никто не говорит, разве что в кино. – Ты неправильно записал номер, дружок.

Несмотря на это, она не спешила повесить трубку.

– Она сама дала мне этот номер, – настаивал Джо.

– Мало ли что... – засмеялась женщина. – Ты, наверное, познакомился с этой своей Розой на вечеринке, и она дала тебе первый попавшийся номер, лишь бы ты от нее отвязался.

– Не думаю, чтобы она так поступила.

– О, я вовсе не имела в виду, что ты урод и что росточка-то в тебе всего пять футов, – сказала женщина таким мягким и густым голосом, что Джо невольно представил себе магнолию в цвету, мятный джулеп и влажную духоту южной ночи, насыщенную ароматом жасмина. – Наверное, ты просто был не в ее вкусе. Это бывает, так что не огорчайся, лапочка. Все к лучшему...

– Меня зовут Джо Карпентер.

– Красивое у тебя имя. Красивое и... солидное.

– А как тебя зовут?

– А как ты думаешь? – дразня, спросила она. – Ну-ка, угадай по голосу.

– По голосу? – переспросил Джо.

– Да. На кого я, по-твоему, похожа, на Октавию или на Джульетту?

– На мой взгляд, твой голос больше похож на голос Деми Мур.
– Кинозвезды Деми Мур? – с недоверием переспросила женщина.
– В твоём голосе есть такая эротичная хрипотца, как будто ты много куришь.
– Ничего подобного. У меня противный голос, который можно сравнить разве что со звуками, которые производит кочан капусты, когда на него наступишь ногой.

– Но под капустой я все равно чувствую дым.

Женщина искренне, от души рассмеялась:

– Хорошо, мистер Джо Хитрюга Карпентер, пусть будет Деми.

– Вот что, Деми, мне очень нужно поговорить с Розой.

– Послушай, дружок, забудь ты свою Розу. Я бы на твоём месте забыла, особенно после того, как она так с тобой поступила – дала фальшивый телефонный номер. Как говорится, море большое и в нем полно всякой другой рыбы.

Джо был уверен, что эта женщина знает Розу Такер. Больше того, она явно ждала его звонка. С другой стороны, люди, преследовавшие загадочную миссис Такер, были достаточно решительны, упорны и хитры, поэтому ее подозрительность вполне можно было понять.

– Как ты выглядишь? – игриво спросила Джо его невидимая собеседница. – Опиши себя, только не очень преувеличивай, я и так чувствую, что ты красавчик что надо.

– Во мне шесть футов роста, волосы русые, глаза серые.

– Так ты красивый или нет?

– Не очень, но зато выгляжу вполне презентабельно.

– Сколько тебе лет, Презентабельный Джо?

– Побольше, чем тебе. Тридцать семь.

– У тебя приятный голос, красавчик. Скажи, ты никогда не ходил на свидания вслепую? Не так, чтобы увидел и пригласил, а так, как мы, – по уговору?

Наконец-то она решила назначить встречу.

– По уговору? Ничего не имею против, – уверил собеседницу Джо.

– А не хотел бы ты встретиться с сексуальной прокуренной малышкой типа меня? – спросила названная Деми.

– Пожалуй, я не против, – как можно спокойнее проговорил Джо. – А когда?

– Ты свободен завтра вечером?

– Я надеялся встретиться с тобой пораньше. – В голосе Джо прозвучало искреннее разочарование.

– Не будь таким нетерпеливым, Презентабельный Джо. Нужно как следует подготовиться, чтобы все прошло как надо и чтобы потом не было неприятных последствий, вроде разбитых сердец, алиментов и тому подобного.

Джо понял предупреждение. Деми нужно было время, чтобы провести все необходимые приготовления. Судя по всему, она хотела быть уверенной на сто десять процентов, что встреча пройдет без осложнений, а для этого ей нужно было выбрать и тщательно проверить место встречи, чтобы обеспечить полную безопасность Розы Такер. Кроме того, Джо не исключал, что связаться с Розой без двадцатичетырехчасового предварительного уведомления было затруднительно даже для тех, кто поддерживал с ней связь.

– Не напирай, красавчик, не напирай, иначе я начну сомневаться. Почему, интересно, ты так торопишься? Может быть, ты выглядишь совсем не так презентабельно, как говоришь?

– Ладно, договорились. Значит, завтра вечером. А где?

– Я дам тебе адрес одной хорошей кофейни в Уэствуде. Мы встретимся у входа ровно в шесть, зайдем внутрь, выпьем по чашечке кофе и выясним, подходим ли мы друг другу. Если я решу, что ты действительно приличный парень, а ты найдешь меня такой же сексуальной, как мой прокуренный голос, тогда... Тогда я не вижу причин, почему бы нашему завтрашнему

вечеру не перейти в ночь изысканных наслаждений, которую мы оба будем вспоминать в седой старости. По отдельности, разумеется... Короче, есть у тебя под рукой карандаш и бумага?

– Да, – коротко сказал Джо и кивнул, хотя она не могла его видеть.

Деми продиктовала адрес кофейни, он записал и убрал бумагу в карман.

– Сделай мне одолжение, красавчик, – сказала она на прощание. – Возьми свою бумажку с телефоном, порви на мелкие кусочки и спусти в унитаз.

Джо растерялся, и Деми, уловив его колебания, строго добавила:

– Порви, все равно она тебе больше не понадобится.

С этими словами она повесила трубку.

Джо повертел в руках письмо Розы. Несколько напечатанных на машинке строк не могли, конечно, служить доказательством того, что доктор Такер в действительности уцелела после катастрофы «боинга» и что причины самой катастрофы были далеко не тривиальными. Написать эти строки и набрать их на компьютере или отстучать на машинке мог кто угодно, в том числе и он сам. Имя в конце письма тоже было напечатано, так что у Джо не было даже подписи Розы Такер.

И все равно ему почему-то не хотелось уничтожить письмо. Для него оно было доказательством того, что какие-то в высшей степени невероятные, фантастические события на самом деле имели место. Оставалось только выяснить, какие именно.

Несмотря на недвусмысленное предупреждение Деми, Джо снова набрал лос-анджелесский номер Розы Такер, чтобы посмотреть, что из этого выйдет. Ему казалось, что в худшем случае на него никто не ответит, однако, к огромному удивлению Джо, в трубке зазвучал записанный на пленку голос телефониста, сообщавший, что набранный им номер отключен. Голос посоветовал Джо убедиться в том, что он правильно набрал номер, или перезвонить в справочную службу по телефону 411. Джо нажал на рычаг и снова набрал эти цифры. Результат был тот же.

«Чистая работа!» – не мог не восхититься Джо. Деми явно была гораздо умнее, чем можно было предположить по ее похожему на скрип капустных листьев голосу.

Не успел он опустить трубку на рычаги, как аппарат зазвонил сам, испугав Джо настолько, что он вздрогнул и отдернул руку, словно обжегшись. В следующее мгновение Джо, однако, устыдился своей нервной реакции и взял трубку на третьем или четвертом гудке.

– Вас слушают, – сказал он, стараясь говорить спокойно.

– Это «Лос-Анджелес пост»? – спросил мужской голос.

– Да.

– Прямой телефон Рэнди Колуэй?

– Верно.

– Вы мистер Колуэй?

Джо все еще думал о своей странной беседе с Деми, да и неожиданный звонок не на шутку его напугал, поэтому он только теперь узнал ровный, абсолютно невыразительный голос, который ответил на его первый звонок в дом Розы Марии Такер в Манассасе.

– Это вы – мистер Колуэй? – повторил голос.

– Нет, я Уоллес Блик, – сказал Джо.

– Мистер Карпентер?

По спине Джо, от позвонка к позвонку, поползли холодные мурашки, и он с размаху швырнул трубку на место.

Значит, они знали, кто он такой.

Десятки рабочих кабинок больше не казались ему уютными убежищами, в которых можно было укрыться от опасности. Зал отдела новостей вдруг напомнил ему лабиринт, в котором слишком много тупиков.

Джо торопливо сгреб со стола распечатанные материалы и письмо Розы. Когда он вставал, телефон снова зазвонил, но Джо не стал брать трубку.

Выходя из отдела новостей, Джо нос к носу столкнулся с Дэном Шейверсом, возвращавшимся из отдела фотокопирования. В одной руке он держал ворох бумаг, а в другой – свою нераскуренную трубку.

Шейверс был абсолютно лыс, что отчасти компенсировалось роскошной черной бородой, и носил черные брюки из жатки, поддерживаемые широкими подтяжками в черно-красную клетку, серую с белым полосатую рубашку и желтый галстук-бабочку. Очки для чтения с полулунными линзами висели у него на шее на черном кожаном шнурке.

Шейверс работал репортером в бизнес-отделе «Пост», в котором постоянно вел одну или две рубрики, однако в легком дружеском разговоре он бывал крайне неловок и часто выражал свои мысли слишком напыщенно. Самому ему, впрочем, казалось, что он просто очарователен и что лучшего собеседника не сыскать во всей редакции. Это заблуждение было таким искренним и таким по-детски трогательным, что в малых дозах Шейверс почти ни у кого не вызывал ни раздражения, ни злости.

– Джозеф, дружище! – заявил он Джо без всякой преамбулы. – На прошлой неделе я вскрыл ящик «Мондави» семьдесят четвертого года! Это один из тех двадцати ящиков, в которые я вложил энную сумму, когда этот сорт только появился. Правда, тогда я ездил в долину Напа вовсе не за вином, а затем, чтобы оценить перспективы рынка антикварных часов. И представляешь, это вино оказалось настолько хорошо выдержано, что я...

Только тут Шейверс сообразил, что Джо не работает в газете уже без малого год, и осекся. Некоторое время он молчал, затем, видимо не придумав ничего лучшего, попытался принести Джо свои соболезнования.

– Это ужасно, Джозеф... – запинаясь, пробормотал он. – Все эти люди... и твоя жена с детьми тоже... Мне очень жаль...

Джо, услышав, как в зале за его спиной снова зазвонил телефон Рэнди Колуэя, жестом перебил Дэна. Сначала он хотел просто отмахнуться от бывшего коллеги и его неуклюжих соболезнований, но потом передумал.

– Послушай, Дэн, – сказал он, – ты не знаешь одну компанию, которая называется «Текнолоджик»?

– Знаю ли я «Текнолоджик инкорпорейтед»? – переспросил Дэн и многозначительно зашевелил бровями. – Нет, ты серьезно спрашиваешь или шутишь?

– Я не спрашиваю, знаешь ты ее или нет. Меня интересует, что это за фирма. Действительно ли это достаточно большой консорциум? Иными словами, мне хотелось бы знать, насколько эта компания могущественна.

– О, она приносит достаточно большие прибыли. Их управленцы и инженеры за версту чуют передовые технологии и перспективные разработки, которые появляются в молодых, независимых, не успевших еще твердо встать на ноги фирмочках и конструкторских бюро. Тогда «Текнолоджик» без колебаний подгребают их под себя. Кроме того, она щедро поддерживает предпринимателей, которым для воплощения в жизнь своих технических идей необходим стартовый капитал. Как правило, фирму интересуют новые идеи и изобретения в области медицины, но не только... Кстати, высшее руководство «Текнолоджик» постоянно стремится к увеличению своего могущества, в основном – за счет других. Похоже, они считают себя чем-то вроде королей бизнеса, однако на деле они ничем не лучше нас, журналистов. Им ведь тоже приходится прислушиваться к большому боссу – к тому, Кому Все Должны Подчиняться.

– Кому Все Должны Подчиняться?.. – повторил Джо, удивленный и заинтересованный.

– Да, как и все простые смертные. – Шейверс кивнул, улыбнулся и, поднеся ко рту чубук незажженной трубки, вцепился в него зубами.

Телефон на столе Колуэя замолчал, но наступившая тишина заставила Джо занервничать еще больше.

Они знали, где он находится.

– Ладно, мне пора, – сказал он и зашагал прочь как раз тогда, когда Шейверсу пришло в голову посвятить его во все хитросплетения внутрикорпоративных связей «Текнолоджик».

Распрощавшись таким образом со своим бывшим коллегой, Джо направился к ближайшему мужскому туалету. Ему повезло – здесь никого не было и никто из старых знакомых не задержал его.

Заперевшись в одной из кабинок, Джо разорвал на мелкие клочки письмо Розы Такер и бросил их в унитаз, дважды спустив воду, чтобы убедиться, что ни один клочок бумаги не остался плавать на поверхности.

«Медспек», «Текнолоджик»... Корпорации, осуществляющие секретные полицейские операции... Тот факт, что они действовали по всей стране, от Лос-Анджелеса до Манассаса, равно как и их пугающее всеведение, от которого Джо бросало в пот, свидетельствовали о том, что это весьма могущественные предприятия, обладающие широкими связями не только в мире бизнеса, но и среди политиков и, возможно, среди военных.

С другой стороны, как бы ни были высоки ставки, никакая корпорация не могла открыто защищать свои интересы при помощи разъездных бригад наемных убийц, которые позволяли себе палить в людей в общественных местах. И не в общественных тоже. Какой бы колоссальный доход ни получала эта самая «Текнолоджик инк.», жирные черные цифры в конце итогового бухгалтерского баланса не могли защитить ни сотрудников, ни руководителей корпорации от закона. Даже в Лос-Анджелесе, где отсутствие денег обычно считалось корнем всех зол, закон все еще действовал.

Ответ на вопрос, мучивший Джо, был тем не менее достаточно очевиден. Еще на кладбище он обратил внимание, как легко, с чувством полной собственной безнаказанности мужчины в гавайских рубашках прибегли к огнестрельному оружию. Это могло означать только то, что Роза Такер либо попала в поле зрения федерального правоохранительного агентства, либо каким-то образом перебежала дорогу военным, что было еще хуже. Тогда при чем тут «Медспек» или «Текнолоджик»? Ответить на этот вопрос с полной определенностью Джо пока не мог – у него почти не было информации.

Шагая к лифтам по коридору третьего этажа, Джо все время ждал, что кто-то – возможно, один из мужчин в гавайских рубашках или Уоллес Блик собственной персоной – вот-вот окликнет его сзади и прикажет остановиться или, опустив ему на плечо руку, ткнет под ребра стволом пистолета. Впрочем, учитывая неограниченные возможности его врагов, это мог быть и настоящий полицейский в форме или в штатском.

В самом деле, если Розу Такер разыскивали федеральные агенты, им ничто не мешало обратиться в местную полицию за содействием. Значит, пока вопрос не разъяснится, Джо придется рассматривать каждого человека в форме как потенциальную опасность...

Когда подошел лифт и двери открылись, Джо невольно напрягся. Ему казалось, что здесь его будет легче всего схватить, но кабина оказалась пуста.

Спускаясь с третьего этажа на первый, он каждую секунду ожидал, что электричество сейчас выключится и лифт – вместе с запертым в нем Джо – застрянет в шахте, но электричество не подвело, подъемный механизм тоже, и он благополучно добрался до первого этажа. На площадке перед лифтом не было ни одного человека, и это слегка насторожило Джо.

На протяжении всей своей предыдущей жизни он никогда не страдал болезненной мнительностью, но то, что происходило с ним сейчас, определенно напоминало паранойю. Должно быть, это была реакция на события сегодняшнего утра и на все, что он узнал с тех пор, как приехал в редакцию «Пост».

Потом Джо подумал, что необычайная сила его переживаний, приступы бешеного гнева и ледящего душу ужаса могли оказаться расплатой за целый год эмоциональной пустоты. На протяжении двенадцати долгих месяцев он полностью отдавался своему горю, жалости к себе и мыслям о безвозвратности своей потери. Он сам сделал все возможное, чтобы никакое постороннее чувство не вторглось в пространство его души и не пробудило ее к жизни. Он пытался избавиться от боли, чтобы убогим сереньким фениксом вспорхнуть с пепелища, оставшегося на месте его уничтоженного дома, и жить, не имея никаких надежд и желаний. Он стремился достичь бездумного спокойствия устрицы, замкнувшейся в известковой раковине безразличия, но сегодняшние события заставили его снова открыться навстречу миру, и эмоции и чувства захлестнули его с такой силой, с какой захлестывает новичка-серфингиста грозный девятый вал.

Дьюи Бимис за конторкой говорил по телефону. Вернее, не говорил, а слушал, причем настолько напряженно, что его гладкое негритянское лицо пошло озабоченными морщинами. Время от времени Дьюи принимался кивать и бормотать что-то вроде «да... да... да...».

Джо махнул ему рукой на прощание и направился к выходу.

– Эй, Джо, подожди секундочку! – окликнул его Дьюи.

Джо остановился и медленно повернулся к нему.

Дьюи продолжал слушать, что говорил его абонент, но взгляд его был устремлен на Джо.

Чтобы показать охраннику, что он торопится, Джо постучал согнутым пальцем по наручным часам.

– Подождите, пожалуйста, – сказал в телефон Дьюи. – Это насчет тебя звонят, – добавил он, обращаясь к Джо.

Джо с самым решительным видом покачал головой.

– Он хочет поговорить с тобой.

Джо сделал шаг по направлению к выходу.

– Постой, Джо! Он говорит, что он из ФБР.

Замешкавшись в дверях, Джо бросил взгляд на Дьюи. По его глубокому убеждению, ФБР не могло иметь никакого отношения к головорезам в гавайских рубашках, которые стреляли в ни в чем не повинных людей, не потрудившись задать им ни одного вопроса. ФБР не могло иметь никакого отношения к таким типам, как Блик...

Или все-таки могло? Не поддается ли он снова собственному страху, своим собственным паническим мыслям и догадкам? В конце концов, Федеральному бюро было вполне по силам защитить его от опасности.

С другой стороны, человек, который ждал на другом конце телефонного провода, мог лгать. Он мог не иметь к ФБР никакого отношения и звонил с единственной целью – задержать Джо в редакции, пока Блик и его напарники – или другая бригада наемных ищеек – подтянутся к штаб-квартире «Пост».

Еще раз покачав головой, Джо отвернулся от Дьюи и, толкнув дверь, вышел под жгучее августовское солнце.

– Джо!.. – крикнул ему вслед Дьюи.

Джо пошел к своей машине, невольно ускоряя шаг и с трудом сдерживаясь, чтобы не побежать. Бритый молодой человек с черными ногтями и серьгой в носу внимательно следил за ним с дальнего конца стоянки, и Джо подумал, что в этом проклятом городе, где деньги порой значили больше, чем лояльность, честь и достоинство, важнее денег был только стиль. Мода и покрой одежды менялись много чаще, чем принципы и убеждения; традиционно неизменными оставались только цвета той или иной молодежной группировки. Костюм и боевая раскраска парня у ворот – кем бы он себя ни воображал: панком, неопанком или рэйвером – уже давно вышли из моды, и поэтому обладатель рваных джинсов, серьги и крашенных черных ногтей выглядел вовсе не таким угрожающим, как ему хотелось, и гораздо более жалким, чем

он способен был понять. Впрочем, в данных обстоятельствах проявленный им к Джо интерес выглядел достаточно зловещим.

Его радиоприемник работал негромко, но Джо отчетливо слышал, как бьется в динамиках частый пульс рэпа.

В салоне нагретой «хонды» было настоящее пекло, но Джо решил, что терпеть можно. Выбитое пулей стекло левой задней дверцы обеспечивало достаточно хорошую вентиляцию, так что изжариться живьем он, пожалуй, не рисковал.

Смотритель стоянки, скорее всего, заметил отсутствие стекла. Может быть, он как раз раздумывал об этом.

«Ну и что? – перебил сам себя Джо. – Подумаешь, стекло выбито! В конце концов, это ведь просто стекло, не больше...»

Почему-то Джо был уверен, что двигатель не заведется, но он завелся.

Пока Джо задним ходом выбирался со стоянки, дверь в вестибюль открылась и на крыльцо под небольшим парусиновым тентом с эмблемой «Пост» вышел Дьюи Бимис. Лицо гиганта показалось Джо озадаченным, но никаких признаков тревоги он не заметил.

В конце концов Джо решил, что Дьюи не будет пытаться его остановить, ведь они друзья, или, по крайней мере, когда-то были друзьями, а голос человека, звонившего по телефону, был всего лишь голосом.

Джо переключил передачу на «ход».

Спускаясь по ступенькам, Дьюи что-то прокричал ему вслед. Джо не расслышал слов, но ему снова показалось, что в голосе охранника-секретаря звучат лишь забота и недоумение. Дьюи не собирался поднимать тревогу. Тем не менее Джо счел за благо проигнорировать его и, прибавив газу, направил машину к выезду.

Молодой человек, до этого спокойно сидевший под грязным ресторанным зонтом с давно потускневшей надписью «Чинзано», неожиданно поднялся со своего складного стульчика и сделал шаг к сдвижным воротам, словно готовясь закрыть их и помешать Джо выехать со стоянки.

Джо затравленно огляделся. Мощные цепи на столбах были густо обвиты поверху колючей проволокой. Острые как бритва колючки зловеще сверкали на солнце. Дьюи стоял на крыльце и, уперев руки в бока, смотрел вслед «хонде».

Молодой человек остановился у самой границы тени, которую давал его зонт, и посмотрел на Джо из-под тяжелых век невыразительным взглядом сомлевающей на солнцепеке игуаны. Потом он поднял руку и, сверкнув черными ногтями, вытер испарину со лба.

Джо тоже нужно было бы смахнуть с глаз заливавший лицо пот, но сейчас ему было не до того. Боясь оказаться в ловушке, он развил слишком большую скорость, и при повороте на улицу его «хонду» сильно занесло. Покрышки завизжали, зачавкали по размякшему на жаре асфальту, но Джо даже не притормозил.

От редакции Джо поехал на запад по Стратерн-стрит. Когда он уже поворачивал на бульвар Ланкершим, где-то далеко позади раздался вой полицейских сирен. В этом не было ничего необычного. Полицейские сирены были постоянной составляющей шумового фона большого города вне зависимости от времени суток, и Джо был склонен полагать, что это простое совпадение, однако всю дорогу до шоссе Вентура, где он повернул на запад по авеню Мурпарк, он не забывал время от времени поглядывать в зеркало заднего вида, стараясь разглядеть машины преследователей – как полицейские, так и без каких-либо опознавательных знаков.

Он не был преступником. Казалось, ничто не мешает ему обратиться к властям, сообщить о стрельбе на кладбище, рассказать о письме Розы Марии Такер и о своих сомнениях относительно обстоятельств гибели рейса 353, но Джо колебался. В конце концов, сама доктор Такер даже и не думала обращаться в полицию и просить защиты. Возможно, она точно знала,

что на это можно не рассчитывать. Ее мнение Джо было известно. «...Моя жизнь зависит от вашего благоразумия и осторожности», – написала Роза Такер в письме.

Джо был репортером отдела уголовной хроники достаточно долго, чтобы знать: часто человек становится объектом охоты не потому, что он что-то совершил, и даже не потому, что он располагает ценным имуществом или крупной суммой денег, которыми хотел бы завладеть преступник. Ему самому было известно несколько случаев, когда человек становился жертвой просто из-за того, что он слишком много знал. Владеющий соответствующей информацией индивид мог порой оказаться опаснее вооруженного пистолетом бандита.

О рейсе 353 Джо пока не знал ровным счетом ничего – во всяком случае, ничего такого, чего бы не знали другие. Если охота на него была объявлена только потому, что он узнал о существовании Розы Такер, которая – по ее же собственным словам! – уцелела во время катастрофы, значит тайны, к которым она имела отношение, были настолько взрывоопасными, что их мощь исчислялась десятками и сотнями мегатонн.

Приближаясь к Студио-Сити, Джо думал о надписи на майке юнца, сторожившего стоянку возле редакции. «Fear nada!» – «Не бойся ничего!» Джо никогда не было легко придраться к этому принципу – он боялся слишком многого, но больше всего остального его пугала мысль о том, что катастрофа самолета могла оказаться неслучайной и что Мишель, Крисси и Нина погибли не по слепой прихоти судьбы, а в результате человеческой небрежности или злого умысла. Национальное управление по безопасности перевозок так и не сумело с полной определенностью назвать причины случившегося. Одним из возможных сценариев был отказ усилителей гидравлической системы управления, на который наложилась трагическая ошибка экипажа, однако Джо не хотелось верить в этот вариант именно потому, что он представлялся ему абсолютно безликим, механистическим, словно здесь действовали силы холодные и безжалостные, как сама Вселенная. С другой стороны, еще тяжелее ему было бы узнать, что причиной катастрофы явилась трусость пилота, ошибка штурмана или, возможно, взрывное устройство, заложенное террористом, потому что это означало бы, что дорогие ему жизни оказались принесены в жертву человеческой глупости, жадности или ненависти.

И вот теперь Джо боялся, что правда будет именно такой, ибо не знал, что ему с ней делать и что эта правда сделает с ним. Не далее как сегодня Джо получил самые веские доказательства того, что он способен на самые дикие и жестокие поступки. Узнав имя конкретного виновника, он мог вступить на тропу мести, называя это справедливостью!

Именно так – не больше и не меньше.

7

Резкое обострение конкурентной борьбы в финансовой сфере привело к тому, что в последние года два банка Калифорнии работали даже по субботам, а некоторые из них закрывались не раньше пяти часов вечера. Благодаря этому обстоятельству Джо успел попасть в отделение своего банка в Студио-Сити за целых двадцать минут до того, как доступ посетителей в зал был прекращен.

Продав дом, Джо не дал себе труда перевести свой расчетный счет куда-нибудь поближе к новому однокомнатному жилищу в Лоурел-Каньон. После гибели семьи вопросы удобства перестали его занимать, да и само время почти ничего для него не значило.

Оказавшись в главном зале банка, Джо сразу направился к окошку, за которым в ожидании закрытия занималась бумажно-канцелярской работой его знакомая, которую звали Хедер. В этом банке она работала еще с тех самых пор, когда десять лет назад Джо впервые пришел сюда, чтобы открыть счет.

– Я хочу снять со счета наличные, – объявил Джо после короткой ритуальной беседы о погоде и других малозначительных вещах. – Но у меня нет с собой чековой книжки.

– Никаких проблем, – заверила его Хедер.

Но после того как Джо попросил выдать ему двадцать тысяч долларов стодолларовыми купюрами, проблемы все же возникли, и Хедер, поднявшись со своего места, прошла в дальний конец зала, чтобы пошептать о чем-то со старшим кассиром, который, в свою очередь, обратился за консультацией к помощнику управляющего.

Помощник управляющего был совсем молодым человеком, обладавшим внешностью кинозвезды. Возможно, он на самом деле был одной из потенциальных звезд экрана, которые зарабатывали себе на жизнь службой в банках и тому подобных конторах в ожидании случайного каприза судьбы, который мог бы вознести их на вершину кинематографического олимпа. Неслышно о чем-то переговариваясь, красавец-менеджер и кассир время от времени поглядывали в сторону Джо, словно сомневаясь, что он именно тот, за кого себя выдает.

Джо такое отношение несколько не удивило. Когда надо было принять деньги, банки действовали словно мощные промышленные пылесосы, но, когда нужно было выдать наличные, они еле-еле поворачивались, отчаянно скрипя всеми колесами и шестеренками своих громоздких бюрократических механизмов.

Хедер вернулась к стойке и сдержанно объявила Джо, что банк будет рад обслужить его, однако для таких случаев определена специальная процедура, отклоняться от которой финансовые учреждения не имеют права.

Помощник управляющего на другом конце зала уже говорил с кем-то по телефону, и в душу Джо закралось сильнейшее подозрение, что речь идет о нем. Он понимал, что это, несомненно, не так и что паранойя снова взяла его в оборот, но бороться с подозрительностью и страхом было выше его сил. Во рту у него пересохло, сердце отчаянно забилось, а ноги стали ватными и непослушными.

Но это были его деньги, и они были ему нужны.

Хедер хорошо знала Джо. Больше того, она посещала ту же церковь, куда Мишель водила Крисси и Нину на службы и в воскресную школу, однако это не помешало ей попросить его предъявить в качестве удостоверения личности водительскую лицензию, и Джо с горечью подумал о том, что здравый смысл и доверие оказались в таком далеком прошлом Америки, что подчас они выглядели не просто древней историей, а историей какой-то другой страны.

Но он не позволил себе выйти из терпения. Все, что он имел, – включая шестьдесят тысяч долларов в ценных бумагах, которые дала ему продажа дома, – лежало на депозитном счете в этом банке, поэтому он был уверен, что в выдаче денег ему не откажут. А деньги были нужны ему для того, чтобы жить; теперь, когда преследователи Розы Такер сели на хвост и ему, Джо не мог даже вернуться в квартиру, не подвергая себя опасности. Отныне ему придется кочевать из мотеля в мотель, пока проблема так или иначе не разрешится.

Помощник управляющего закончил разговаривать по телефону и с задумчивым видом разглядывал лежащий перед ним на столе блокнот, по страницам которого он легонько постукивал тупым концом автоматического карандаша.

По пути из редакции в банк Джо тщательно обдумал свои действия. Поначалу он хотел положиться на свои кредитные карточки, с помощью которых он мог получать через банкоматы небольшие суммы наличных, но вовремя вспомнил, с какой легкостью власти и полиция отслеживали подобного рода действия, получая таким образом исчерпывающую информацию о каждом шаге подозреваемого. В случае необходимости электронная система расчетов могла даже заблокировать его кредитную карточку при попытке расплатиться за услугу или товар, и Джо остался бы без всяких средств к существованию.

На столе помощника управляющего зазвонил телефон. Молодой человек проворно схватил трубку и, бросив на Джо быстрый взгляд, отвернулся от него на своем вращающемся кресле, словно боясь, что клиент сумеет прочесть его слова по движениям губ.

После того как все бюрократические процедуры были скрупулезно соблюдены и служащие банка убедились, что Джо не был ни своим собственным злонамеренным братом-близнецом, ни дерзким актером-имперсонатором в отлично сработанной каучуковой маске, помощник управляющего, успевший завершить свои телефонные переговоры, медленно собрал стодолларовые купюры из всех кассовых сейфов, а когда их не хватило, сходил в главное хранилище. Требуемую сумму он вручил Хедер и, улыбаясь неподвижной кривой улыбкой, стал смотреть, как она пересчитывает купюры для Джо.

Возможно, это была только игра воображения, но Джо почему-то казалось, что и Хедер, и помощник управляющего относятся с крайним неодобрением к тому факту, что он выйдет из дверей банка, имея при себе столько наличных денег. И дело было не в том, что он подвергал себя нешуточной опасности; просто с недавних пор на людей, предпочитающих иметь дело с живыми деньгами, смотрели как на прокаженных или на боссов мафии. Само государство в лице своих финансовых и налоговых органов требовало от банков, чтобы они фиксировали все сделки с наличными на сумму свыше пяти тысяч долларов. Введение подобного порядка мотивировалось тем, что наркобаронам, дескать, станет не так просто отмывать полученные преступным путем деньги через официальные финансовые учреждения, однако в действительности дела обстояли как раз наоборот. Главарям наркомафии новый закон нисколько не мешал, зато государство получило отличную возможность отслеживать и регулировать финансовую активность среднестатистических граждан.

На протяжении всей писаной истории наличные деньги или их эквиваленты, такие как золото или драгоценные камни, служили наилучшей гарантией как личной свободы, так и свободы передвижения. То же самое наличные означали и для Джо, однако и Хедер, и ее начальники смотрели на него так пристально и внимательно, словно наверняка знали, что Джо Карпентер ввязался в какие-то противозаконные делишки или – это в лучшем случае – собирается в Вегас, где он намерен удариться в дикий загул.

Хедер как раз опускала двадцать тысяч наличными в плотный бумажный конверт, когда на столе помощника управляющего снова зазвонил телефон. Молодой человек быстро прошел туда и, сняв трубку, пробормотал в нее несколько слов, продолжая пристально рассматривать Джо.

К тому времени, когда в пять минут шестого Джо наконец вышел из банка, ноги его подгибались, а руки тряслись. Недобрые предчувствия продолжали одолевать его. Несмотря на то что день клонился к вечеру, жара оставалась совершенно непереносимой, а безоблачное небо – ярко-голубым. Впрочем, уже через секунду Джо понял, что небо все-таки изменилось. Оно потеряло свою глубину, стало плоским как блин, и эта мертвая бело-голубая поверхность над головой Джо напоминала ему что-то очень знакомое и неприятное, хотя он никак не мог понять что.

Только садясь в машину и запуская двигатель, Джо вспомнил, где и когда он видел подобную голубизну. Такими же тусклыми, по-рыбьи невыразительными, лишенными всякого отблеска жизни были глаза последнего трупа, который он видел в морге в ту ночь, когда решил навсегда распрощаться с журналистикой.

Выезжая со стоянки перед банком, Джо машинально бросил взгляд в зеркало заднего вида и вдруг заметил, что помощник управляющего, почти скрытый медными солнечными бликами, плясавшими на стеклянной входной двери, внимательно провожает его взглядом. Запоминал ли он марку и номер его машины или просто запирает дверь, Джо сказать не мог.

Под слепым взглядом мертвого голубого неба ослепительно сверкала раскаленная пустыня огромного города.

Проезжая мимо небольшого торгового центра, расположенного неподалеку от банка, Джо заметил у обочины молодую женщину с блестящими золотисто-каштановыми волосами, кото-

рая выбиралась из-за руля темно-синего «форда-эксплорер», припаркованного напротив входа в продуктовый отдел, который работал круглые сутки. Пассажирская дверца машины тоже открылась, и оттуда выпрыгнула маленькая девочка с шапкой взъерошенных светлых волос. Их лиц Джо разглядеть не мог, потому что от «форда» его отделяло три ряда движущихся по улице автомобилей.

Не думая о последствиях, Джо резко перестроился в левый ряд и совершил на светофоре запрещенный правилами разворот, едва не зацепив при этом ехавший навстречу серый «мерседес», за рулем которого сидел представительный седой мужчина.

Джо уже жалел о том, что он собирался сделать, однако остановиться не мог, как не мог заставить солнце закатиться раньше положенного срока. Охвативший его порыв был таким сильным, что сопротивляться ему было бессмысленно.

В очередной раз неприятно пораженный своей неспособностью держать себя в руках, Джо припарковался за темно-синим «фордом» и выбрался из «хонды». Слабость в ногах нисколько не прошла; напротив, она, казалось, усилилась еще больше.

Некоторое время он стоял неподвижно, глядя на двери торгового центра. Женщина с ребенком была там, внутри, но он не мог видеть их из-за развешенных по стеклянным витринам постеров и реклам.

Отвернувшись от магазина, Джо облокотился на горячее крыло «хонды», пытаясь совладать с собой.

После катастрофы в Колорадо Бет Маккей помогла ему связаться с Ассоциацией сострадательных друзей – общенациональной организацией родителей, потерявших своих детей. Благодаря виргинскому отделению этой организации Бет удалось более или менее примириться с потерей, и она надеялась, что Джо тоже почувствует себя лучше. Джо побывал на нескольких собраниях калифорнийской секции Ассоциации сострадательных друзей, но вскоре забросил это дело. Как он потом узнал, подобным образом поступали большинство мужчин, оказавшихся в сходном положении. Матери, потерявшие своих детей, мужественно посещали каждое собрание и находили некоторое утешение в разговорах друг с другом, но почти все отцы замыкались в себе, предпочитая сражаться с болью в одиночку. Джо очень хотелось бы оказаться одним из немногих, кто сумел в конце концов облегчить свою жизнь, изливая свое горе другим, но мужская биология и психология – возможно, впрочем, это было чистой воды упрямство и жалость к себе, тут Джо не брался судить – заставляли его чуждаться общества, пусть это даже было общество таких же, как он, несчастных людей. Иными словами, Джо предпочел страдать в одиночестве.

Единственной полезной вещью, которую он вынес с собраний Ассоциации сострадательных друзей, было понимание природы странного импульса, который, завладевая его чувствами и подчиняя себе его волю и здравый смысл, заставлял Джо поступать иррационально и безрассудно – так, как он поступил сейчас. С ним и раньше случалось нечто подобное, и Джо знал, что явление это хорошо известно и настолько широко распространено, что даже имеет свое название. В психологии – а может, в психиатрии, где именно, он запомнил – подобное поведение именовалось поисково-заместительным стереотипом.

Каждый, кто неожиданно терял близкого или любимого человека, рано или поздно начинал искать ему замену; больше других были подвержены этому стереотипу те, кто в одночасье потерял сына или дочь, но Джо приходилось особенно туго.

Умом он понимал, что тот, кто умер, – умер навсегда и поправить здесь ничего нельзя, однако подсознательно Джо продолжал верить, что рано или поздно он снова встретится с Мишель и девочками. Иногда ему казалось, что его жена и дочери вот-вот войдут в спальню или их голоса зазвучат в трубке неожиданно зазвонившего телефона. Сидя за рулем машины, Джо вдруг начинал чувствовать присутствие Крисси и Нины на заднем сиденье, но, когда он,

едва дыша от радости, оборачивался назад и видел там только пустоту, разочарование его оказывалось вдвое горше.

Порой он замечал их на оживленной улице. На детской площадке. На аллее парка. На пляже. И всегда они были далеко и уходили еще дальше. Иногда Джо позволял им уйти, но чаще он бросался следом, стараясь увидеть их лица и сказать: «Подождите, я иду с вами».

Так было и на этот раз. Оттолкнувшись от крыла «хонды», Джо направился к входу в магазин.

У дверей он ненадолго замешкался. Разум продолжал подсказывать ему, что он только зря мучает себя и что разочарование, которое непременно настигнет его, когда он поймет, что женщина и девочка – это не Мишель и Нина, будет подобно удару ножом в сердце, однако Джо уже был не волен что-либо с собой сделать.

События сегодняшнего дня – встреча с загадочной Розой Такер, ее странные слова, сказанные на кладбище, и потрясающее сообщение, оставленное ею для него в редакции «Пост», – настолько выходили за рамки всего, во что Джо привык верить, что в душе его снова ожила поразительно глубокая, от самого сердца идущая вера в самые невероятные совпадения и чудеса. Если Роза Такер, падая с высоты в четыре мили, сумела уцелеть после столкновения самолета с негостеприимной землей, то почему не могли спастись его Мишель и девочки?

Эта сумасшедшая мысль разом опрокинула и факты, и логику. Непродолжительное и сладостное безумие, словно яичную скорлупу, смяло броню безразличия, в которую Джо одевал себя с таким тщанием и упорством, и в его душе затеплился слабый огонек чего-то, подозрительно напоминающего надежду.

Он толкнул дверь и шагнул в магазин.

Слева от него оказалась стойка кассира. Миловидная кореянка лет тридцати с небольшим развешивала по проволочным стеллажам упаковки сосисок «Тоший Джим». Увидев его, она улыбнулась и кивнула.

За кассовым аппаратом стоял кореец, должно быть ее муж. Он приветствовал Джо светским замечанием относительно небывалой жары.

Не ответив ни на улыбку, ни на обращенные к нему слова, Джо целеустремленно шагнул к стоящим в четыре ряда стеллажам. В первом проходе никого не было. Во втором – тоже. В конце третьего он увидел женщину с каштановыми волосами, которая держала за руку девочку лет пяти. Обе стояли спиной к нему возле урчащего охладителя с напитками, и Джо тоже остановился, ожидая, чтобы они повернулись к нему.

Женщина была в белых легких сандалиях, крепившихся к лодыжкам длинными шнурками, в светло-кремовых слаксах и зеленой с лимонным отливом блузке. Похожие сандалии и джинсы были у Мишель, но такой блузки Джо не помнил. Не помнил, хоть убей! Впрочем, какое это имело значение?

Маленькая девочка – такого же роста и возраста, что и Нина, – была в белой майке, розовых шортиках и таких же, как у матери, сандалиях. Наклонив голову набок, она азартно размахивала руками, что-то объясняя матери. В такой же позе иногда стояла Нина...

«Найну-Нину мы искали...» Джо успел дойти до середины длинного прохода, прежде чем понял, что движется.

– Ну давай купим рутбир⁹, мама, ну давай, а? – Это сказала девочка.

Потом Джо услышал свой собственный голос:

– Нина?

Нина очень любила рутбир.

– Нина? Мишель?

Женщина и девочка повернулись к нему. Это была не Мишель. И не Нина.

⁹ Рутбир – шипучий напиток из экстракта корнеплодов и коры некоторых растений.

Джо с самого начала знал, что так будет, но до конца не верил и действовал, повинаясь безумному порыву души. Когда же Джо увидел, что это не те женщины, которых он когда-то любил и продолжает любить до сих пор, он почувствовал себя так, словно его ударили тяжелым молотом прямо в грудь.

– Вы... – сказал он, глупо моргая. – Мне показалось... вы стояли совсем как...

– Да? – озадаченно, но и с осторожностью переспросила женщина.

– Не... никогда не отпускайте ее, – промолвил Джо и снова удивился тому, как хрипло и странно звучит его голос. – Не отпускайте ее от себя ни на шаг. Не сводите с нее глаз. Стоит родителям отвернуться, и их дети могут пропасть, исчезнуть навсегда... Обязательно следите за ней и не отпускайте никуда одну.

Лицо женщины отразило явную тревогу.

С невинностью и непосредственностью пятилетнего ребенка девочка неожиданно вмешалась в разговор взрослых.

– Вам нужно обязательно купить мыло, мистер, – пискнула она. – А то от вас немножечко пахнет. Мыло продается вон там. Хотите, я покажу?

Услышав эти слова, мать девочки инстинктивно схватила дочь за руку и притянула ближе к себе.

Джо, сбитый с толку неожиданным поворотом беседы, слегка оторопел, но потом ему пришлось в голову, что девочка проявила редкую деликатность. От него не просто «немножечко пахло», а воняло как от козла. Сначала он просидел два часа на пляже, на самом солнцепеке; на кладбище он тоже не в тени прохлаждался, а сколько раз за сегодняшний день его прошибала испарина страха, Джо просто сбился со счета. Кроме того, за весь день он так ничего и не съел, и изо рта его крепко несло пивным духом.

– Спасибо, милая, – сказал Джо. – Ты совершенно права. От меня действительно плохо пахнет, так что я, пожалуй, сделаю так, как ты сказала.

– В чем дело? – раздался решительный голос у него за спиной.

Обернувшись через плечо, Джо увидел позади корейца – хозяина магазина. На его лице лежала печать беспокойства.

– Мне показалось, что я встретил знакомых, – торопливо объяснил Джо. – Людей, которых я знал... когда-то.

Говоря это, он вспомнил, что так и не побрился сегодня утром. Отросшая щетина, кислый запах пота, мятая одежда не первой свежести, пивной перегар и красные, безумные глаза не могли бы внушить доверия даже ангелу небесному. Зато теперь ему стало более или менее ясно, почему служащие банка смотрели на него с таким подозрением.

– Все в порядке, миссис? – спросил кореец у женщины.

– Думаю, да... – неуверенно отозвалась та.

– Я ухожу, – сказал Джо, который чувствовал себя так, словно его сердце и желудок решили поменяться местами. – Действительно все в порядке, просто я обознался... Я ухожу.

Он обошел владельца магазина и поспешно направился к выходу.

Когда он проходил мимо стойки кассира, корейка повернулась к нему и озабоченно спросила:

– Все в порядке, мистер?

– В абсолютном, – уверил ее Джо. – Не беспокойтесь.

Когда Джо забрался в салон «хонды», он, несколько оторопев, увидел плотный бумажный конверт на пассажирском сиденье. Двадцать тысяч долларов! И он оставил их на самом виду, даже не потрудившись запереть машину! В магазине чуда не произошло – чудом было то, что деньги остались целы.

Желудок его продолжал вести себя в высшей степени беспокойно, а грудь стискивало с такой силой, что Джо едва мог дышать. Он очень сомневался, что сумеет в таком состоянии

вести машину, но ему очень не хотелось, чтобы женщина, выйдя из магазина, снова увидела его. Она могла подумать, что он специально ее дожидается, что он отслеживает ее с какими-то грязными целями...

Превозмогая дурноту, Джо включил мотор и отъехал от торгового центра. Кондиционер работал на полную мощность, и он отрегулировал его так, чтобы поток воздуха бил ему прямо в лицо: только так Джо мог быть уверен, что не задохнется. Легкие его как будто сжала судорога, и Джо напрягал всю свою волю, чтобы заставить их снова наполняться живительным кислородом, но даже тот воздух, который ему удавалось проглотить, оседал в груди, словно едкая кислота.

Об этом Джо тоже узнал на собраниях Ассоциации сострадательных друзей: не только он, но и большинство других людей, потерявших детей, подчас ощущали душевную боль как физическую. Всесокрушающую...

Некоторое время Джо правил машиной буквально на ощупь, навалившись грудью на рулевое колесо и дыша хрипло и трудно, точно астматик во время приступа. В какое-то мгновение ему вспомнилась его собственная грозная клятва – найти и покарать тех, кто может быть виновен в гибели рейса 353, и он хрипло рассмеялся своей глупой самонадеянностью. Ну какой из него мститель? Ходячая развалина, да и только. Нет, в таком состоянии он мог быть опасен разве что для комара.

Даже если он в конце концов выяснит, что случилось с «боингом» на самом деле, его враги расправятся с ним прежде, чем он сумеет хоть что-нибудь предпринять. Джо уже знал, что они достаточно могущественны и располагают практически неограниченными ресурсами, недоступными обычному человеку. У него не было ни единого, даже самого слабенького шанса на справедливость.

Но все равно он будет, будет стараться. Джо знал, что не сможет остановиться сейчас и бросить тот слабый след, который он нащупал. Гнев и нужда гнали его вперед. Гнев, долг и... поисковый стереотип.

Возле универмага «Кмарт» Джо остановился, чтобы приобрести электрическую бритву, флакон лосьона после бритья, зубную пасту и щетку, а также кое-какие туалетные принадлежности.

Сияние флюоресцентных трубок резало глаза, железное колесо сетчатой тележки вихляло и взвизгивало, а воображение Джо еще больше усиливало этот звук, делая непереносимой головную боль, которую он испытывал.

В отделе готового платья, куда он забрел после галантерейной секции, Джо купил небольшой дорожный чемодан, две пары джинсов, серую спортивную куртку – вельветовую, потому что в августе многие магазины были уже завалены осенними моделями, а также комплект нижнего белья, несколько маек, носки и новые кроссовки «Найк». Выбирая все это, Джо ориентировался исключительно на стандартные номера размеров, ничего не примеряя.

Покинув универмаг, Джо отыскал в Малибу недорогой, но достаточно приличный мотель. Он стоял почти на самом берегу океана, и Джо надеялся, что мерный шум прибоя поможет ему уснуть. В мотеле он принял душ, побрился и переделался во все чистое.

В семь тридцать, примерно за час до захода солнца и наступления сумерек, он уже ехал на восток, держа курс на Кальвер-Сити, где жила вдова Томаса Ли Ваданса. Томас Ваданс числился в списке пассажиров рейса 353. Упоминала «Пост» и имя его жены, которую звали Нора.

Остановившись в придорожном «Макдоналдсе», Джо купил два чизбургера и колу. В прикованном к стене общественной телефонной будки справочнике он без труда отыскал адрес и телефон Норы Ваданс.

Со времен работы репортером Джо постоянно держал в машине полный комплект карт округа Лос-Анджелес, выпущенный фирмой братьев Томас, однако район, где жила вдова Тома Ваданса, был знаком ему достаточно хорошо, и сверяться с картой не требовалось.

Ведя машину одной рукой, Джо расправился с чизбургерами и запил их колой. Голод, который он неожиданно почувствовал, удивил его самого.

Одноэтажный дом Балансов был крыт кедровым гонтом и отделан кедровыми же панелями, сохранявшими цвет натурального дерева. Белыми были только невысокий фундамент, угловые столбы, наличники и жалюзи на окнах. На первый взгляд эта смесь калифорнийского ранчо и характерного для побережья Новой Англии коттеджа была довольно странной и необычной, но Джо сразу подумал, что домик с его мощенной каменными плитами дорожкой и клумбами африканских лилий-агапантусов перед крыльцом выглядит очень уютно и мило.

Жара только-только начала спадать, и плиты дорожки все еще излучали дневной жар. Поглядев на охваченный оранжево-розовым заревом западный край неба и на стену лиловых сумерек, медленно подступавших с востока, Джо поднялся на низенькое крыльцо и нажал кнопку электрического звонка.

Ему открыла женщина лет тридцати, со свежим и довольно миловидным лицом. Несмотря на то что она была натуральной брюнеткой, ее светлая, чуть веснушчатая кожа, зеленые глаза и пухлые щечки скорее подошли бы рыжеволосой. Одета она была в шорты защитного цвета и застиранную домашнюю рубашку с закатанными рукавами; влажные от пота волосы были в беспорядке, а на щеке темнело смазанное грязное пятно.

Поглядев на нее, Джо понял, что она занималась уборкой и что недавно она плакала.

– Миссис Ваданс? – спросил Джо.

– Да. Это я...

Когда Джо работал репортером, ему без особого труда удавалось установить контакт с абсолютным большинством людей, у которых он брал интервью, но сейчас он почему-то почувствовал себя неловко. Ему казалось, что для серьезных вопросов, ради которых приехал сюда, он одет, пожалуй, слишком небрежно. Купленные час назад джинсы оказались слишком свободными, и ремень стягивал их на поясе в складки, а куртку Джо оставил в машине, так что теперь ему оставалось только жалеть, что вместо маек он не запасся рубашкой.

– Нельзя ли нам с вами поговорить, миссис Ваданс?

– Сейчас я очень занята и...

– Меня зовут Джо Карпентер, и моя жена... она тоже погибла в том самолете. Жена и две дочки...

Женщина негромко ахнула и поднесла тыльную сторону ладони к губам.

– Год тому назад... – вымолвила она наконец.

– Да. Ровно год, день в день.

Хозяйка отступила в сторону:

– Проходите.

Джо последовал за ней в уютную и светлую гостиную, оформленную в бело-желтой цветовой гамме. Ситцевые занавески на окнах были подобраны в тон мебели обивке. В подсвеченном демонстрационном футляре в углу стояло с дюжину фарфоровых статуэток «Лядро».

Хозяйка пригласила Джо сесть. Когда он опустился в глубокое кресло, женщина повернулась к двери и крикнула:

– Боб! К нам пришли!

– Извините, что побеспокоил вас в выходной... – начал Джо.

Женщина, с осторожностью сев на краешек дивана напротив него, сказала:

– Ничего страшного, Джо. Просто, боюсь, я не та миссис Ваданс, которую вы хотели видеть. Меня зовут Кларисса. Нора Ваданс, муж которой погиб... погиб в этой катастрофе, была моей свекровью.

В гостиную вошел высокий молодой мужчина, и Кларисса представила Джо своему мужу. Боб Ваданс выглядел всего года на два старше своей супруги, но был довольно поджарым и крепким. Он носил короткую стрижку и держался весьма уверенно и любезно; рукопожатие его было мужественным, а улыбка – непринужденной и приветливой, хотя сквозь загар проглядывала легкая бледность, а в голубых глазах таилась печаль.

Когда Боб Ваданс уселся на диване рядом с женой, Кларисса объяснила мужу, что семья Джо тоже погибла во время катастрофы рейса 353. Обращаясь к Джо, она добавила:

– Это отец Боба разбился в Колорадо. Он возвращался домой из служебной командировки и погиб.

Из всего, что могли бы сказать хозяева и гость, именно рассказ о том, как они узнали о несчастье, помог им установить близкий эмоциональный контакт и проникнуться симпатией и доверием друг к другу. В тот день Кларисса и Боб, пилот истребителя, приписанного к мирмарской авиабазе ВМС, расположенной севернее Сан-Диего, ужинали в компании двух коллег Боба и их жен. Сначала они сидели в уютном итальянском ресторанчике, а потом перешли в бар, где был установлен телевизор. По телевизору передавали бейсбольный матч, который был прерван ради официального сообщения о гибели рейса 353 компании «Нэшн-Уайд эйр». Боб знал, что как раз сегодня его отец должен был вернуться в Лос-Анджелес из Нью-Йорка; знал он и о том, что Ваданс-старший предпочитает компанию «Нэшн-Уайд» всем остальным, однако номер рейса не был ему известен точно. Установить это, впрочем, не составляло труда. Позвонив прямо из бара в представительство «Нэшн-Уайд» в лос-анджелесском аэропорту, Боб переговорил со служащим по связям с общественностью, который и подтвердил, что имя мистера Томаса Ли Ваданса действительно фигурирует в списке пассажиров рейса 353.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.